

Александр Дав

Эффект Бандерлогов

Александр Дав
Эффект Бандерлогов

«ИП Астапов»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Дав А.

Эффект Бандерлогов / А. Дав — «ИП Астапов», 2016

ISBN 978-5-906863-50-8

Детектив и юмор, шпионские страсти и любовные приключения – всё это в новой книге «Эффект Бандерлогов». Ещё совсем недавно мир, казалось, стал объединяться. Открывались границы, рушились стены, поднимался железный занавес... Но... увы, всё вновь поворачивается вспять... Восток и Запад слишком разные и слишком самовлюблённые, чтобы понять друг друга... Однако и там и здесь живут люди... люди, которые нуждаются не только в лозунгах, призывах, восхвалениях вождей или в тупом потреблении благ цивилизации. Люди, желающие улыбаться и любить, интриговать и наслаждаться, врать и ненавидеть... Жить! Герои книги втянуты в водоворот стремительных событий и непредсказуемых поворотов судьбы...

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

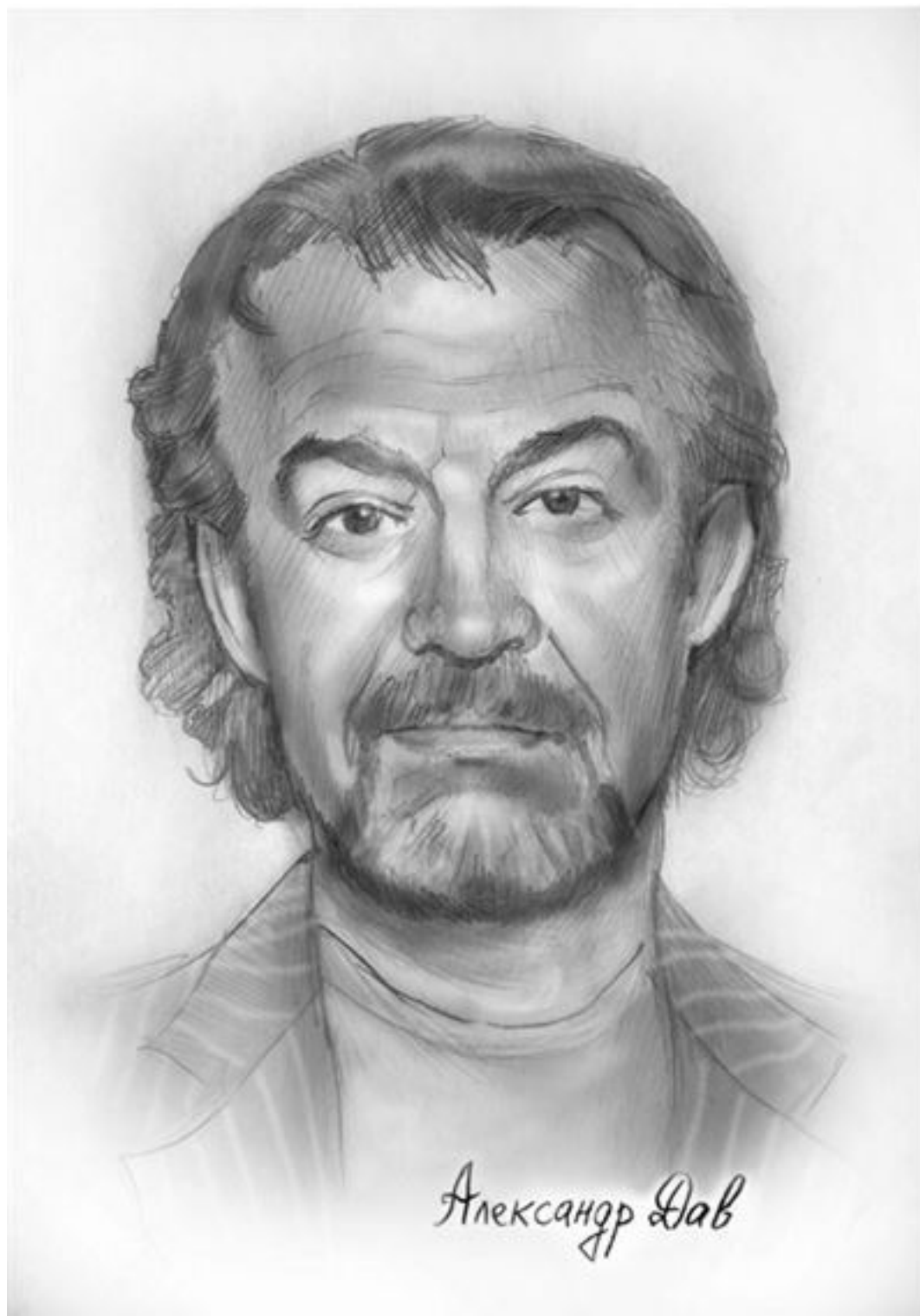
ISBN 978-5-906863-50-8

© Дав А., 2016

© ИП Астапов, 2016

Содержание

Пролог	7
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 10	47
Глава 11	54
Глава 12	59
Глава 13	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Дав
Эффект Бандерлогов

© Александр Дав, 2016

Повседневные дела вгоняют нас в ритм обыденности и однообразной суеты, не давая возможности отдалиться от калейдоскопа мелких, но необходимых забот, чтобы на расстоянии осмотреть окружающий мир и заметить зарождающиеся перемены, ведущие иногда к резким поворотам и глобальным катастрофам...

Мысли тесным роем выются вокруг личных проблем, часто незначительно-надуманных и преувеличенно значимых, но таких важных в нашем понимании... И мы, заблуждаясь, уверены, что наша судьба в наших руках. Однако будущее, увы, зависит не только от нас, а часто – от других людей и многих случайных и неслучайных событий, на которые мы не в состоянии повлиять...

Пролог

Ложь – тот же алкоголизм.

Лгуны лгут и умирая.

Антон Чехов

Грузовик рискованно, не сбрасывая скорость, пища резиной об асфальт, едва вписавшись в поворот, вылетел на встречную полосу. Вильнул вправо, затем влево и, не останавливаясь, врезался в ограду набережной. Ограда лопнула и развалилась, выстреливая в стороны осколками металла. Она не остановила многотонную махину. Лёд, девственный и тонкий, раскрошился мелкими частями, не в силах сдержать незваного гостя, нарушившего утреннее спокойствие и тихое превращение воды в твердь. Грузовик, встретив плотный, едва замёрзший край воды, чуть подался по инерции вперёд, намереваясь перевернуться через кабину, затем выровнялся, зашатался и пошёл ко дну. Из кабины никто не выпрыгнул и, после погружения, – не выплыл. Вода сомкнулась, а образовавшаяся во льду пробоина чернела хищной пастью ненасытного монстра, ощеряясь вздыбленными льдинками, словно остатками пищи на морде свирепого хищника, растерзавшего и проглотившего добычу. Набережная в столь ранний час была пуста. Воскресенье. Бесстрастная и бессловесная камера видеонаблюдения смотрела на происходящее своим слепым глазом. Освещалась набережная хорошо. Но! Практически все камеры в городе – не работали. Муляжи, изображавшие их, висели на столбах бесполезными пустышками, нужными лишь для отчёта о потраченных бюджетных средствах, украденных и распиленных. Никто ничего не видел. И только пролом в ограждении нагло кричал о трагедии, произошедшей ранним утром...

Звонок телефона разбудил Кулика в половине седьмого утра.

– Да.

– Прошу прощения, Фирельман на связи. Соединить?

– Да.

Трубка запричитала противным истеричным тембром:

– Получилось! У нас получилось, но никто не заметил! Нет, это не страна, а сборище идиотов! Они всё проспят!

– Поменьше эмоций. Через час у меня. Всё.

Ровно через час в кабинете Кулика сидели двое. Сам хозяин кабинета и взъерошенный и сморщенный мужчина лет шестидесяти. Они сидели друг напротив друга за блестящим столом красного дерева. Стол был настолько массивный, что, казалось, его невозможно сдвинуть никакими усилиями. Сморщенный мужчина был одет в нелепый костюм восьмидесятых годов прошлого века. Туфли на толстой светлой подошве наспех помазаны кремом, прямо на засохшую грязь. Ситцевая рубашка в мелкий рисунок была застёгнута на все пуговицы под горло и бесстыже кричала своим застиранным, но всё равно несвежим воротником. Очки были ровесники своего хозяина, и такие же нелепые, с кривыми и облезлыми дужками. Руки мужчины зажал между колен и противно щерился и прищуривался одновременно, оголяя свои неприлично гниловатые зубы. Кулик был в строгой, табачного цвета, тройке. Рубашка и галстук – в тон костюма. Туфли, казалось – только с полки магазина – без единой вмятинки или царапины. Их глянцева свежесть невольно привлекала внимание сидевшего напротив странного человека. Кулик был старше своего собеседника, но весь плотный, собранный, пружинистый, что не позволяло назвать его стариком.

Грузовик вильнул вправо, затем влево, и, не останавливаясь, врезался в ограду набережной

Говорил «взъерошенный» эмоционально, сильно перебарщивая мимикой некрасивого лица, но руки держал всё так же между колен:

– Расстояние до него было метров двести... Там поворот... Команда прошла... очевидно. Водитель подчинился. Причём время воздействия было очень и очень ограниченным. Грузовик не потерял управление, а был направлен в ограждение рукой водителя и рухнул в воду, – слюна противно собиралась вокруг губ говорившего, и он то и дело слизывал её. – Сначала мы подумали – сейчас начнётся, но ничего собственно и не началось! – он говорил и чуть раскачивался, в такт произносимым словам:

– Всё снимали с двух точек и хронометрировали. Случайность исключена. Факт воздействия установлен. Он тот, кого мы искали!

– Выводы – не ваша прерогатива, – ответил Кулик. – Свободны. Материал передадите помощнику.

– Мне бы...

– У него получите и конверт. В нём деньги. До свидания.

Кулик пружинисто и резко поднялся, вызвав непроизвольный испуг «взъерошенного», и вышел в потайную дверь позади своего кресла.

Оставшийся сидеть мужчина ещё немного покачался в своём стуле, потом поднялся и, часто моргая глазами, упёрся взглядом в одну точку, грызя при этом ногти. Ногти были не аккуратные и не чистые. Взгляд не отрывался от бутылки с минеральной водой, стоявшей на большом столе. Он мялся, озирался по сторонам, а затем схватил бутылку и стал пить прямо из горлышка, обливаясь и захлёбываясь. Когда бутылка оказалась пустой, «взъерошенный» подошёл к полке с кубками за спортивные достижения и, опять же озираясь, схватил один, самый маленький. Он подержал небольшой кубок в руке, словно взвешивая, а затем спрятал его под пиджак. В кабинет вошёл немолодой охранник. Он молча забрал кубок и поставил его на место.

– Аудиенция окончена. Прошу, – охранник указал на дверь и вышел следом за «взъерошенным».

По длинному и широкому коридору они проследовали к лифту. У лифта охранник передал мужчину под наблюдение другого, более молодого человека. При этом они не проронили ни слова. «Взъерошенный» то и дело озирался, трогал стены руками, моргал поочерёдно глазами и иногда мелко и дробно плевался. При этом сопровождавший его охранник не высказывал ни удивления, ни возмущения. Выйдя из лифта, странная парочка, проследовала к выходу из здания. Практически у самого порога их поджидал большой чёрный лимузин с открытой дверью. «Взъерошенного» бесцеремонно практически втокнули в автомобиль. Дверь за ним закрылась чьей-то невидимой рукой изнутри, и многотонная бронированная машина, медленно набирая ход, плавно зашелестела в неизвестном, даже охране, направлении.

Кулик сидел в маленьком уютном кафе. Он был один во всём заведении. Стол сервирован очень аскетично и обыденно. Чашка кофе и маленький бутерброд с чёрной икрой. Кулик смотрел в окно. Минут через пять к нему подошёл помощник, и что-то доложил, наклонившись к самому уху.

– Да. Я разрешаю. Не так много у него развлечений. Только осторожней.

В этот же день вечером

В торговый зал большого магазина вошёл «взъерошенный» – Фирельман. Он нервно озирался по сторонам, глупо и некстати улыбался редким покупателям и, убедившись, что наконец его никто не видит, взял с полки кожаные перчатки и очень ловко сунул их к себе за пазуху. Его пробила волнительно-приятная дрожь. По лицу прошла гримаса блаженства. Далее Фирельман прошёл к стенду с дорогими мужскими ремнями. Очень ловко орудуя пальцами, странный господин особым приспособлением снял «антикрадную» метку, сунул ремень себе под затёртый пиджак и стал нервно, но умело вдевать украденную вещь в брюки. При этом он улыбался, криво и неестественно. Когда процедура с ремнём была окончена, похититель вещей взял два одинаковых, из многочисленных пиджаков, представленных в торговом зале, и зашёл в кабинку для примерки. Там он повозился недолго. Вновь достал из кармана странный, им же сооружённый прибор. Ловко снял с одного пиджака магнитные маячки. Сунул их под коврик на полу примерочной кабины. Один пиджак надел под свой старенький, не по размеру обширный пиджачок. Второй перекинул через руку. Вышел в зал. Повесил пиджак на место.

– Не подошёл, – улыбнулась навстречу приветливая продавщица.

– Великоват, – вполне уверенно ответил Фирельман.

Охранники наблюдали всё это действие в камеры видеонаблюдения, молча кривили рот в ухмылке, и кивали одобрителем головой. Как только вся процедура похищения была окончена, один из них пожал руку сидевшему у пульта и сказал:

– Давай, Витёк. Я в зал. Оплачу «покупки».

Витёк спросил в рацию у кого-то, видимо из зала:

– Сколько?

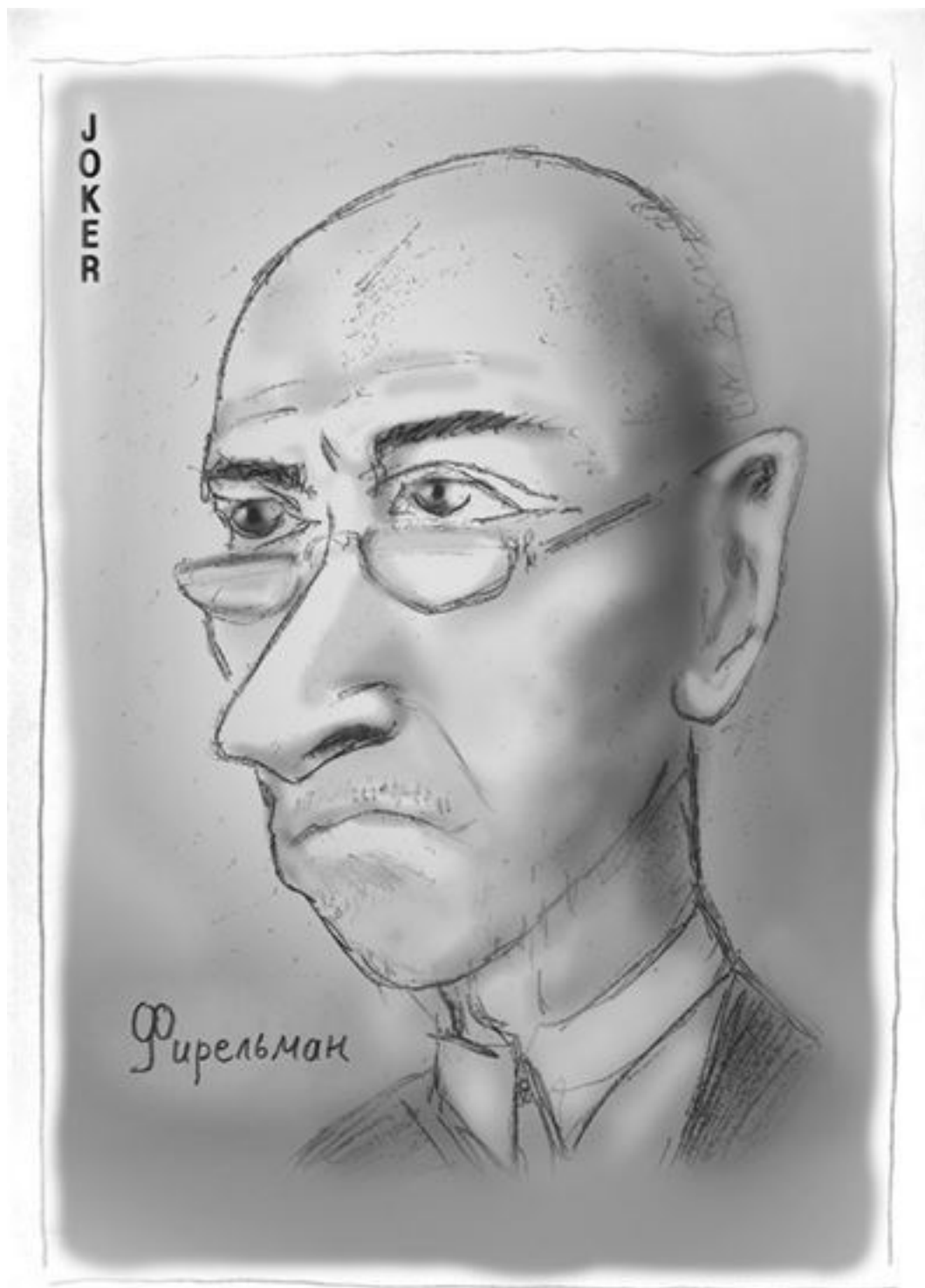
– Восемнадцать двести, – прохрипела в ответ станция.

– Чё-то он сегодня не густо, – заметил сидевший у пульта.

– Устал, наверно... Шеф говорил – работы у него много. Ну, держи костыль майора, – сказал на прощание телохранитель Фирельмана и протянул огромную ладонь.

Они пожали руки, подмигнули друг другу и расстались. Бывшие сослуживцы. Один теперь в охране Фирельмана. Другой – начальник службы охраны торгового центра. Один-два раза в месяц, заранее созвонившись, друзья организовывали «поход» по магазинам ненормального гению. Его слабость была не самой страшной.

На выходе из торгового центра Фирельмана ждал лимузин с охраной. Как только воришка уселся на заднее сидение, машина плавно взяла с места и смешалась с плотным потоком транспорта московских улиц.

Часть I

Игрушечные люди

В историю трудно войти, но легко вляпаться.
Михаил Жванецкий

Глава 1

Скачок

Сгорбившаяся старуха, едва передвигая ноги, вышла из подъезда дома в элитном районе центра Москвы. Никого не удивило, что бабка, еле державшаяся на ногах, одна пошаркала за угол. К ней привыкли. И охранники, и консьержи знали – бабуля с пятого этажа. Мать известного дирижёра. Она была старой, но в полном уме. Старость сделала её не только глухой, но ещё злой и неприветливой. Она никогда не здоровалась и не смотрела на людей. Молча уходила. Молча приходила. Ходила каждый вечер покормить уток на близлежащий пруд, замаливая тем самым, по её мнению, грехи своей молодости, связанной с миром Мельпомены и изобиловавшей бурными романами с известными поэтами весёлых шестидесятых. Пошаркает туда, а примерно через час возвращается. Вот и на этот раз – потупила взгляд в пол и, бормоча проклятия всему миру, – скрылась за дверью. Старуха зашла за угол. Не оглядываясь, она вдруг ускорила движение. С каждым шагом она двигалась быстрее и быстрее. Когда расстояние от дома увеличилось до такой степени, что её перестали фиксировать камеры видеонаблюдения, бабка юркнула в высокие вечнозелёные заросли можжевельниковых деревьев и исчезла. Минут через пять в противоположной стороне из кустов вынырнула молодая девушка в спортивной куртке, тёмной вязаной шапочке и чёрном шарфе, закрывавшем почти всё лицо. В руках она держала большую матерчатую сумку тёмно-серого цвета. Девушка быстро зашагала по направлению к станции метро и уже через семь минут растворилась в людском потоке, затерявшись в бурлящей разнородной массе пассажиров. Старуха в подъезд не вернулась. Сменившиеся как раз во время её отсутствия консьержи и охранники не заметили сего странного обстоятельства. Они и не могли заметить. Одна смена – уехала отдыхать. Вновь заступившие – вообще ничего не подозревали о затянувшейся прогулке престарелой жительницы.

Но что же это за странное преобразование в кустах? Куда делась старуха? И откуда взялась девушка с большой сумкой? А дело было так...

Хозяева квартиры в этой же «элитке», но двумя этажами выше – уехали надолго. Они жили на два дома. Зимой чаще в Москве. Летом – в Ницце. Хотя и в зимние месяцы уезжали на несколько недель в Альпы, оставляя квартиру на домработницу Катю. Вот и теперь Катя осталась за хозяйку в квартире профессора Хомич и его супруги. Квартира была чистой, и только два раза в неделю Катя поливала цветы да протирала пыль. На этот раз она приехала на квартиру рано утром в понедельник и осталась на три дня. Она жила тихо, ступая на цыпочках и стараясь как можно меньше производить шума. Цветов было много, и Катя любила с ними разговаривать. Для полива она использовала специально приобретённую хозяйкой лейку и проводила эту, казалось бы, незамысловатую процедуру строго по графику, в специально подобранное время. График полива висел на стене, и хозяйка дома Алла Степановна требовала строгого его соблюдения. Окончив с поливом, домработница подошла к картине неизвестного художника, висевшей на стене, отодвинула её и, не снимая тонких резиновых перчаток, в которых обычно убиралась, просунув руку под раму – достала ключ от сейфа. Сейф находился в кабинете хозяина Даниила Львовича, и был замаскирован, представляя собой подставку под

аквариум. Огромный, с морской водой и диковинными обитателями, он был гордостью хозяина и занимал полстены кабинета. Обслуживали его работники специализированной фирмы, приходившие раз в месяц. Аквариум стоял на красивой тумбе, выполненной из красного дерева. В ней же находилась сложная система очистных, воздушных и иных прибабасов для этого чуда «аквадизайна». Сейф был аккуратно и незаметно вмонтирован в боковую стену. Получалось – одна боковина имела нишу, совершенно незаметную для людей, обслуживающих аквариум. Никто из них даже не заметил ни разу чего-то неладного в конструкции. Они чистили, промывали, проверяли работу и ухаживали. Знали о сейфе только хозяин и его жена. Ну, конечно, и те, кто его производил. Но они жили далеко. Сейф был привозной, из-за «бугра». Сделан он был под заказ и доставлен в квартиру точно в срок и без нареканий со стороны заказчика. Но как-то однажды, когда хозяева были в отъезде, в квартиру позвонили из службы доставки. Привезли заказанный давно диван. Катя хотела принять заказ, но оказалось, он оплачен наполовину. Поскольку диван доставляли не из-за «бугра», а из-за пределов Садового кольца, то доставили его с опозданием почти на месяц. Хозяева не дождавшись – уехали. Что было делать? Она позвонила в Ниццу, и Алла Степановна, после долгой паузы, терзаний и мучений, всё же открыла тайну тумбы. Сказала, где взять ключ, – «в духовом шкафу на кухне», но страстно просила никому не говорить об этом. Хозяйке уж очень хотелось получить долгожданный диван. Катя взяла из сейфа указанную сумму, оплатила заказ, и пахнувший кожей красавец разбросал свои блестящие плечи в гостиной, напротив камина. Катя, конечно, клялась в исключительной честности и порядочности. Она и в мыслях, де, не держала подумать даже кому-то сказать о сейфе и тем более о его содержимом. Всё же по приезде хозяева сменили замок сейфа, а ключ перепрятали в другое место – за картину, изображавшую то ли «Утро на ферме», то ли «Секс на лужайке». Этаким крик души амбициозного, но, по-видимому, бесталанного художника. Ключик висел там тайно от всех много дней, пока Даниил Львович не прибежал домой днём, как раз во время уборки квартиры. Даниил Львович был человеком от науки. Доктора заработал ещё до той поры, когда диссертации штамповались сотнями и продавались легко и непринуждённо, как картофельные чипсы к пиву. Ещё до того момента, когда весь депутатский отряд дружными рядами выстроился в очередь за получением научной степени. До того, как работы кандидатов и докторов можно было представлять, как копии друг друга, для заверения нотариусом, настолько они были одинаковы. И это естественно, так как писали их одни и те же люди, поставившие на поток решение задачи по повышению значимости депутатского корпуса. Доктора наук, имевшие до этого не полное высшее, а иногда и неоконченное среднее, заседали в палатах. Они гордились своими приставками на вычурных, отмеченных двуглавым гербом визитках – к. э. н., или д. ф. н., что означало соответственно – кандидат экономических наук и доктор философских наук. Что, естественно, придавало шику в глазах бывших друзей по ПТУ или пацанов из одной «Бригады». Расценки на научные труды были сносными. Кандидатская от трёх тысяч долларов. Докторская от семи тысяч. Наш профессор – был настоящим. Но совдеповски заточенным. Тогда тоже упор делался на применение своих знаний в рамках учения марксизма-ленинизма. С годами страсть к идеям Маркса – Ленина прошла. И он приспособился к враждебной ранее идеологии обращения свободного капитала. Но об этом позже.

Итак. Пришёл он домой раньше времени. Ранее такого за ним не наблюдалось. Катя вначале удивилась, но потом продолжила уборку как ни в чём не бывало. Она пылесосила, протирала пыль, наклоняясь довольно смело и откровенно, демонстративно не замечая хозяина. Алла Степановна уехала по магазинам и обещала вернуться только к вечеру. Хозяин как-то странно всё ходил из угла в угол, мешая пылесосить, и что-то мямлил себе под нос. Затем, очень неловко и коряво, но достаточно быстро, приблизился к домработнице, схватил её за упругий зад, быстро задрал платье и, прижавшись плотно к тугим ягодицам своим тщедушным уже оголённым тельцем, задёргался в каком-то исступлённом экстазе. Катя, вначале возмущённо вырывалась, но потом ею обуял гомерический хохот. Она от смеха даже перестала

сопротивляться. Как? Профессор! Доктор каких-то там непонятных для неё наук – опустился до уровня Ваньки-слесаря, пристававшего к ней каждый раз, когда приходил починить или поменять какую-нибудь прокладку или кран?

А меж тем «свихнувшийся» профессор задёргался, словно в конвульсиях, обнял домработницу двумя руками за грудь, затрясся всем телом и... обмяк. Очки свисали на одной дужке с покрасневшего уха, слюна тонкой ниточкой протянулась от губ почти до груди, а глаза испуганно и нервно бегали, не находя предмета, на котором можно было бы задержать взгляд. Катя села на пол и продолжала хохотать. Её хохот дошёл до слёз, и стало абсолютно непонятно – смеётся она или плачет. Профессор схватился руками за голову, отскочил к злополучному дивану, плюхнулся на него, нервно застёгивая штаны, и запричитал: «Простите! Простите, ради всего святого! На меня нашло! Вы... такая молодая, сильная... да нет, что я... мы с Аллочкой столько лет... и я, в общем-то, люблю её... Кошмар! Простите... умоляю! Не губите!» Он упал перед Катей на колени и плакал как дитя, глотая слёзы и размазывая их по щекам. Катя поднялась, еле уняв смех, и как ни в чём не бывало, спокойным, деловым тоном сказала:

– Даниил Львович, я – девица... всё ещё, – при этом она едва сдерживала смех, но продолжала играть. – А вы воспользовались своим превосходством. Я зарабатываю на хлеб честным трудом... – она всхлипнула и утёрла выступившие от смеха слёзы. – А вы!.. – и домработница посмотрела на профессора так, что тот готов был умереть, лишь бы загладить свою вину. Он никогда не изменял своей жене. Да и вообще – Аллочка была у него первой и единственной женщиной. Долгие годы он лелеял мечту, как любой, даже самый преданный муж, попробовать с другой женщиной, но природная робость и внешняя непривлекательность не позволили осуществиться тайным мечтаниям. Он много учился, работал, защищался. Кандидатская, докторская, работа на кафедре, статьи в научные журналы многих стран, потом бизнес-проекты, и времени для женщин не оставалось. Разве только в мечтах. Но, когда в доме появилась Катя, профессор решил реализовать свою мечту во что бы то ни стало. Он строил планы, представлял, как всё это однажды произойдёт, готовил пламенную речь, но не решался. И вот теперь – решился! Однако ожидаемой эйфории счастья не наступило. Всё произошло и без ответного участия желанной домработницы. И теперь он сидел с мокрыми штанами на новом кожаном диване и хотел провалиться сквозь землю, а Катя добивала его своим менторским тоном и целомудренной речью оскорблённой и униженной девушки:

– Я сейчас же позвоню Алле Степановне и расскажу ей...

– Умоляю, всё что хотите... умоляю, – Даниил Львович находился в предынфарктном состоянии. – Хотите... право, даже не знаю, обидит вас это или... возьмите деньги, – он потупил взгляд. – Сколько скажете? Не обижайтесь! Это не подкуп... это знак доброй воли... в знак наших добрых отношений... ну, простите! – он заплакал ещё сильнее.

Катя пустила слезу, шмыгнула носом и промычала сквозь напиравший смех:

– Хотите унижить до конца бедную девушку?

– ...!

– Молчите! Молчите... Но раз вы так, то я скажу. Да! Мне очень нужны деньги. У меня больна мать!

– Сколько? – хватаясь за соломинку, всхлипнул сексуально озабоченный профессор. – Сколько? – и, не дожидаясь ответа, потеряв бдительность, прямо на глазах у домработницы – сунул руку за картину, достал ключ и, не скрываясь, полез под аквариум в сейф.

Катя, искоса поглядывая за действиями немолодого ловеласа, сказала тихо и очень застенчиво:

– Пятьдесят... тысяч... рублей, – и нарочито громко всхлипнула.

– Конечно... вот, возьмите. Здесь семьдесят! Только... умоляю!

Это случилось за месяц до отъезда хозяев. И вот теперь, взяв ключ из заветного, но малозаметного тайника, домработница Катя направилась в кабинет к аквариуму. Она открыла тумбу во второй раз, и уже знала – где тайная замочная скважина. Первый раз, при оплате дивана, искала долго. Ключ был плоский с утолщённым концом и испещрён замысловатыми вырезами и углублениями. Он точно совпал по размерам с отверстием и провернулся легко и очень плавно. Дверь сейфа, толкаемая невидимой пружиной – медленно открылась. «Сейф!»

В нём было чем поживиться. В первый раз там лежало не много, и всё рублями. Сейчас же! Купюры исключительно по пятьсот евро, были аккуратно упакованы в банковский переплёт. Пачек было десять штук. «Это что же – полмиллиона?» – у Кати взмокло под грудью и защекотало в носу. Какие-то бумаги разных цветов, украшения хозяйки... «Ладно – потом разберусь». Она аккуратно сложила всё содержимое сейфа в приготовленную заранее большую матерчатую тёмно-серую сумку, закрыла сейф, стянула перчатки, сунула их в боковой кармашек той же сумки и стала переодеваться. Одежда была более чем странной. Добротное, но старушечье пальто с каракулевым воротом, заранее купленное, на толкучке, валеночки с модными, но всё же галошами, огромный пуховый серый платок, закрывавший почти всё лицо, и в довершение всего – очки с толстыми линзами. Сумку она подвязала под пальто спереди, но объёмное одеяние скрыло её наличие. Катя подошла к зеркалу, посмотрела на себя, перекрестилась, надела серые варежки, взяла палку – трость и вышла, предварительно изучив обстановку в дверной глазок. Входная дверь запиралась автоматически, мягко и без стука. Далее: на лифте. Затем, мимо консьержей и охраны, опустив голову, и шаркая по-старушечьи ногами, бубня что-то себе под нос, Катя вышла на улицу и доковыляла до можжевельника. Ландшафтный дизайн вокруг дома представлял собой широкую живую изгородь, в которой легко укрыться и переодеться. Старушечье пальто, платок и валенки она сложила в сумку с деньгами, огляделась по сторонам и как ни в чём не бывало – направилась к метро. Расчёт сработал. Её приняли за ненормальную актрису, с верхнего этажа, и не обратили внимания.

На съёмную квартиру воровка пришла к вечеру. Спрятала сумку с деньгами и украденными ценностями в раскладной, допотопный диван-кровать, предварительно достав из неё старушечьи вещи. Затем долго принимала контрастный душ, приводила себя в порядок, смывая остатки не до конца стёртого в кустах можжевельника маскировочного грима и успокаиваясь после проделанной рискованной операции. Ей представлялось, сделать это будет просто. Но на проверку вышло не так. Мелкая дрожь не унималась с момента выхода из квартиры. Всё время казалось – кто-то следит. Она с трудом заставляла себя не оглядываться каждое мгновение и к дому добралась абсолютно разбитая и опустошённая. Но совесть – не мучала. Однако была страшна возможность разоблачения. Мысли никак не приходили в порядок, хотя план вынашивался и разрабатывался не один день. «Что там теперь? Куда девать столько денег?» Расчёт был тысяч на четыреста рублей. Когда в первый раз она, с разрешения хозяйки, брала деньги, для оплаты дивана, там было четыреста. И то сумма для неё приличная. Но не такая! Вначале она ликовала. Потом тряслась от страха, молясь – только бы добраться домой. А теперь нервно соображала, что с этими деньгами делать? Оставить здесь? Найдут. Хозяева кинутся, заявят в полицию. Первой на подозрении будет она. Обыска не избежать. Обратиться к Кириллу? Глупо. Он больше испугается, чем она. А бумаги? Наверняка это акции какие-то. А бриллианты хозяйки! По плану её работы следовало завтра идти на квартиру хозяев и ждать представителя фирмы по чистке аквариумов. Сделать нужно будет всё для того, чтобы у него оказался ключ от сейфа в руках. Он оставит на нём отпечатки, и подозреваемых в краже будет уже двое. Помимо её – ещё и работник фирмы, обслуживающий аквариум. Поскольку свои отпечатки на ключе она не оставляла, работала в перчатках, а на сейфе естественно найдут отпечатки второго подозреваемого, который и не догадывается, что боковая стена тумбы и есть сейф, – заподозрят именно его. А он оставит отпечатки – факт! Он всегда там что-то крутит, продувает, прочищает. Деньги она перепрячет в тайнике, который заранее приготовила в подвале

нежилого дома, в двух кварталах от съёмной квартиры. Там – тихо. Нет ни бомжей, ни пьяниц. Памятник архитектуры. Проход скрыт с улицы. В подвале – маленькая каморка. В ней – подпол. Небольшой. Размером с чемодан. Сантиметров сорок вглубь, и примерно таких же размеров в длину и ширину. Накрыт подпол фанерой, а сверху тонким металлическим ржавым листом. Долго Катя искала этот схрон. Пока случайно, прогуливаясь вечером, не забрела в этот дом. Сторож – с центрального входа. Никогда не выходит из своего убежища. Охранять особо нечего. Лаз во временном заборе очень узкий, незаметный. Катя, стройная и небольшая девушка, и то с трудом протискивается в него. Вот отойдёт от стресса и спрячет деньги. Хозяева ещё не скоро приедут. А там потихоньку – перетаскает в новое место... А куда? Пока не до конца решила. Домой к родителям – нельзя. Могут проверить. У профессора связи... Но к тому времени, когда вернутся Хомичи – наверное, придумает... Главное, чтобы не заподозрили. Приедут Хомичи – обязательно ей позвонят. Она же, после встречи с аквариумщиком, больше не пойдёт на квартиру. Цветы подвянут, факт. Но это один из пунктов её плана. Последним в квартире был – парень – аквариумщик. А она уйдёт в аптеку, оставив его одного. Больше не возвратится до приезда хозяев... Якобы «поплохело». Заболела и свалилась с гриппом – надолго. Потом осложнение. Врача не вызывала – прописки нет. Сама лечилась. Лекарств надо бы купить и раскрывать пачки. План был наивный и сырой. Но Кате показался очень хорошим.

Подумают на Ромку... Жалко его? Нет. Он же не брал. Разберутся потом... Немного успокоившись, Катя легла на ставший в мгновение очень дорогим диван и, укутавшись в потрёпанный плед, – уснула. Точнее, отключилась. Так бывает. Стресс. Переутомление моральное, и всё такое. Нервно и хаотично думала, перед тем как уснуть. Но, куда девать такие деньги, так и не придумала. Она знала – до приезда хозяев деньги нужно перепрятать. Искать будут. И будут наверняка у неё. Но до приезда ещё далеко. Только через три недели явятся господа Хомич. Успеет убраться в тайник. Полежат. А там она что-то придумает.

Глава 2

Радость познания

Рома Зюлькин с детства любил всё живое и подвижное. Всякие жучки, паучки и козявки вызывали в мальчишке восхищение и жажду познания. Не то что бы его не интересовал футбол и салки, карты и вино, женщины и деньги. Интересовали, как любого нормального мальчишку, юношу, мужчину. Но больше всего этого – его интересовали живые существа. Многоножные, волосатые, с крылышками, пупырчатые и членистоногие прятались по коробкам и шкатулочкам, выползая в ненужное время и, часто, в ненужном месте: на уроке, под крики девчонок, или дома, пугая маму и доводя до истерики младших сестёр. Сестёр было трое. Все погодки. Рома – старший. Он ловил насекомое население двора десятками. Изучал их строение. Привязывал за лапку ниткой и пускал полетать живой вертолёт. Постепенно его любовь переросла в серьёзное увлечение, и уже в школе он стал лучшим по естественным наукам. В советское время из него получился бы замечательный ботаник, или зоолог. Но в настоящее время сии профессии мало востребованы и мало денежные. Он всё же поступил в профильный вуз, обучался заочно. Его не призвали, по состоянию здоровья, в ряды вооружённых сил. Учился, подрабатывая временщиком, где придётся. Но однажды, совершенно случайно, Рома наткнулся на объявление на сайте поиска работы. Требовались молодые люди в фирму по обслуживанию аквариумов. Тут его жизнь резко изменилась. Вот уже почти год он работает не только для того, чтобы не подохнуть с голода, но и удовлетворяя свой ненасытный аппетит познания. Его непосредственные начальники вначале улыбались, позже саркастически кивали головой, а далее ревностно завидовали знающему парню, боясь его резкого карьерного роста и конкуренции в должностном продвижении. Но напрасно. Рома жил в мире семейств угрехвостых, муреновых, ножебрюшковых, шилохвостых, платаксовых, щетинозубых, помацентровых, губановых и прочих разных представителей аквариумного общежития. Общался на равных с аборигенами водного мира, шевеля губами и кивая в ответ их глупым выражениям выпученных глаз и «пыханью» грязью. Он мог говорить о них часами. О рыбе-императоре, жёлтой мурене, пятнистом моринге, желтохвостой рыбе-бабочке, полосатом трезубом бычке и ещё черт его знает о каком количестве жёлтобрюхохвостопёрых. Употребляя при этом заумные латинские названия, совершенно не стараясь произвести впечатления на собеседника, а просто естественно вставляя в свой рассказ *Gymnothorax moringa* или *Chaetodon xanthurus*. Основная его работа заключалась в обслуживании аквариумов клиентов компании. В основном аквариумы стояли в богатых домах, и Роме, помимо зарплаты, иногда доставались чаевые, а иногда и надменные упрёки от прислуги, за грязную обувь или пролитый небольшой объём воды. Но это не омрачало радостное времяпровождение Зюлькинда. Он работал, зная в лицо каждую рыбу, и самостоятельно лечил или подкармливал необходимыми добавками своих подводных друзей, помимо выполнения основной работы. В квартиру Аллы Степановны и Даниила Львовича Хомич Роман ходил один раз в месяц, во вторую среду. Дома их, как правило, не бывало. Общался он с Катей – домработницей. Девушка приличная и общительная, часто поила его чаем и давала ещё с собой какие-то пряники и конфеты. Сегодня как раз среда, и он шёл к Хомичам по графику, прыгая через две ступеньки, не дожидаясь лифта.

Домработница Катя ждала прихода Романа. После кражи она продолжала выполнять свои обязанности. Поливала цветы, протирала пыль, кормила рыб. Она ждала дня, когда придёт этот придурковатый очкарик обслуживать надоевшую ей стеклянную глыбу. Трёшьтрёшь её, а следы видны всё равно. Катя открыла дверь Роману и затараторила, прямо с порога:

– Ой, Романчик дорогой, здорово, что пришёл пораньше...

Рома глянул на часы и пожал плечами – время точного прихода не оговаривалось договором...

– Ты начинай свои процедуры, – продолжала девушка. А я до аптеки добегу. Надо срочно.
– Ну, хорошо. В принципе... так сказать, ты мне и не нужна. Иди, конечно... – Роман поправил очки, разулся в прихожей и пошёл к аквариуму.

Катерина, хлопнув дверью, громко уже с лестничной площадки, крикнула:

– Я скоро!

Зюлькинд, двигаясь привычным маршрутом к аквариуму, вдруг заметил, что большая картина на стене гостиной перекосилась вбок – вот-вот свалится. Зоолог-любитель инстинктивно подскочил к полотну, вызывавшему у него всегда лишь недоумение своим замысловатым содержанием, и попытался поправить его. Однако картина явно за что-то зацепилась. Рома чуть сильнее налёг, и она сорвалась с крючка. Какой-то металлический предмет звякнул об пол. Это был небольшой и странный ключ. Картину всё же, удалось зацепить за торчащий из стены крючок, а ключ, повертев в руках, Роман положил на комод, стоящий у противоположной стенки...

Роман поправил очки, разулся в прихожей и пошел к аквариуму

Катя позвонила Роману на мобильный телефон минут через сорок.

– Слушаю, – Роман закончил свои дела и теперь с нетерпением ждал домработницу, чтобы уйти по другому адресу.

– Ромчик, прости засранку, за задержку. Пришлось в центральную бежать, в нашей лекарства не было. Ты, знаешь что, – захлопни дверь. Что-то голова разболелась... Ладушки?

– Ладно.

Роман обулся, взял свою сумку с баночками, вышел и захлопнул дверь. Замок, мягко шипя, автоматически закрылся. Парень сбежал по лестнице вниз и, выходя из подъезда, зацепился карманом куртки за ручку двери. Консьерж, заметив замешательство ботаника, строго спросил:

– Ты, что это никогда лифтом не пользуешься, а? – ему было откровенно скучно, и хотелось хоть с кем-то пообщаться.

Рома, покраснев от неудобства, что-то промямлил и выскочил на улицу. Он очень стеснялся людей вообще, а людей облечённых хоть какой-то мало-мальски властью, просто боялся.

День стоял солнечный, морозный, и настроение Романа быстро достигло нормального равновесного состояния, когда вдруг опять зазвонил мобильный телефон. Звонила домработница Хомичей Катя.

– Слушаю.

– Рома, ты захлопнул дверь? – голос у неё был хриплый. Похоже, заболела.

– Конечно, как ты и просила.

– Ну, пока... Я приболела. Сегодня не пойду на квартиру... Можешь проверить – закрыл хорошо, или нет?

– Да закрыл... Хорошо... Но я схожу – проверю...

Странный звонок лишь на мгновение отвлек юного натуралиста от благостных мыслей. Он снова витал в облаках, мечтая о своей лаборатории, где он сможет спокойно заниматься любимым делом. Мечта эта стала чем-то вроде цели. Но для её достижения Зюлькин ничего не предпринимал. Несмотря на свои еврейские корни, характером он обладал типично российским. Мечта хороша, если сбывается сама по себе. Проснулся утром – и ты богат! А делать что-то для её достижения?.. Увольте. Однако мечтать он мог часами... И такие мелочи, как звонки домработницы, свалившиеся картины, валяющиеся на полу ключи от сейфа, не отвлекали его. А между тем, план Кати сработал. Зная дотошность Зюлькина в мелочах, несмотря на всю его несобранность в житейских делах, она нарочно наклонила картину, положив ключ на самой краешке обратной стороны массивной рамы. Начнёт поправлять – упадёт. Она проверяла несколько раз. Картину Роман поправлял неизменно. И сегодня поправил и поднял ключ, и оставил на нём свои отпечатки.

Роман вернулся на квартиру. На вопрос консьержа: —«Зачем пришёл?», сказал: —«Проверить дверь. Катя, мол, заболела – не придёт». Дверь была закрыта. Рома со спокойной совестью уехал. Охранник пометил в тетрадке, что он возвращался.

Глава 3

Всплеск на солнце?

Коля Рекрут, бывший неформальный лидер Сонмовской группировки, ехал на встречу с избирателями в своём новеньком «Мерседесе», любясь в зеркало заднего вида аккуратно уложенными волосами и идеально подстриженными усиками – а ля Иосиф Виссарионович. Он не пользовался услугами водителя, любил рулить сам. По радио передавали новости. Диктор заунывным голосом говорил о приближающейся магнитной буре, явно представляющей аномалию, и предупреждал о возможных проблемах в работе электронных приборов, а людям, как он выразился, «метеозависимым», рекомендовал сидеть дома. «Делать им нечего. Придумали тоже – магнитные бури. Всю жизнь ими пугают. Лучше бы про спорт, что ли...» Рекрут стал манипулировать пальцами на пульте рулевого колеса, ища спортивную волну. Но, вместо привычных звуков – приёмник зашипел и отказывался вообще что-либо находить. Машина с охраной следовала сзади, оттирая пристраивающихся и не давая вклиниться наглым московским водителям в пространство между ведущим и ведомым, как любил называть тандем: «шеф – охрана», начальник службы безопасности Саша Полковник. Саша, бывший полковник ГРУ, сидел на «правой чашке» – так он называл место справа от водителя, и внимательно следил за всем, что происходит по маршруту передвижения. Солнце было настолько ярким, что не спасали даже тёмные очки, и ему пришлось откинуть козырёк над лобовым стеклом.

– Как в Египте!.. А ещё ведь зима, – сказал он, обращаясь к водителю.

– А по мне, так и лучше. Грязи меньше на дорогах, – водила был, что называется, возрастной, но очень крепкий и жилистый. Седой ёжик обрамлял высеченное лицо, а глубокие морщины придавали всему его виду жёсткость и уверенность. На заднем сидении сидел громадный парень, с низким лбом и ушами – пельменями, явно сломанными в часы, проведённые на борцовском ковре. Он мало говорил, но внимательно смотрел за машиной шефа.

– Смотри, шеф не прибавляет. Соблюдает. Всё по науке. Депутат – пример законопослушания! – Саша Полковник заржал и стал набирать номер на своём мобильнике.

– Чёрт, ничего не пойму, Юрок, ну-ка глянь на своём – есть приём? Мой опять, видно, глючит. Как хорошо раньше было. Кнопочки, циферки... и никаких тебе «айфоноф» и «айпедов». А тут, – он кивнул на свой новейший гаджет, – как в лаборатории, а толку ноль. То закачать, то прокачать. Хрень, короче...

– Слушай, Полковник, а у меня тоже заглохло, по-моему, вся связь накрылась, – водила крутил ручку настройки приёмника и удивлённо кривил рот. – И приёмник вон шумит. Ни одна волна не ловится... ни фига! – он усердно крутил приёмник, но всё тщетно.

– Тоже не работает? Ну, что ты ляжешь, будешь делать, – Полковник махнул рукой и потянулся на заднее сидение за переносной рацией.

– Нет ничего надёжнее армейской... Вот у меня на Кавказе, в 2004-м... – Алло, приём, кто слышит – ответьте? Слушай, не нравится мне это. И рация мёртвая, – Полковник сосредоточился. – Прижмись ближе к ведущему, вот, так... ещё поближе.

Джип «Gelandewagen» приблизился к «Мерседесу» почти вплотную. Можно было хорошо наблюдать мимику на лице шефа – Коли Рекрута. Тот был явно не доволен. Полковник открыл окно правой двери и, высунувшись по пояс, гаркнул:

– Шеф, проблемы?

Рекрут, сердито махнул рукой, потом поднял свой телефон и стал показывать – дескать, не работает.

– Да, что за форс-мажор-с, – присвистнул Полковник. – Не нравится мне это!.. Ой, не нравится. У нас такое было, когда РЭБовцы приезжали...

– Кто? – удивился водила.

– Батальон радио-электронной борьбы. Включат свои глушилки, и поминай, как звать. Ни одна блядь не выйдет в эфир!.. Слушай, – он присвистнул, – так, может, нас прессуют?.. Ну, за шефом следят – вот и включили.

В это время, в довольно плотном, но быстро движущемся потоке машин стало происходить что-то неладное. Люди в автомобилях тщетно пытались настроить свои приёмники, крутили телефоны и долбили по дисплеям навигаторов. Всё заглохло в минуту. А через некоторое время автомобили начали глохнуть прямо на ходу, странно дёргаясь и не желая вновь запускаться. Но была одна странная особенность. Старенькие «Волги», «Жигули» и потрёпанные «Газели» – продолжали ехать, как ни в чём не бывало. Их было очень мало. Управляли ими исключительно азиаты, или азербайджанцы – видимо, работники рынка. Постепенно набережная превратилась в одну большую стоячую пробку. Солнце палило, словно был не зимний февраль, а июль, и это была не Москва, а Эквадор. Яркие лучи холодным светом проникали сквозь тёмные очки и тонированные окна, но мороз при этом – не уменьшался. Люди выходили из машин. Кое-кто открывал капоты и торчал вверх воронкой, разглядывая незнакомый пейзаж импортной игрушки изнутри. Радио молчало, мобильники не звонили, интернет завис на всём пространстве, цифровые АТС дали сбой и не запускались, огромные экраны рекламы погасли, электроника авто – сдохла, телевизионная картинка исчезла с экранов, а все эти «вай-фаи» с «блютузами» исчезли, как придорожная пыль, сдуваемая ураганом. Мир вернулся на десятки лет назад! Настал крах электронного новшества! Но наши граждане не догадывались пока, в чём причина. Ругали сотовых операторов, выбрасывали «чёртовы китайские подделки», плевались на работу провайдеров... но толку от их возмущений было ноль! Коля Рекрут, привыкший к действию, вышел из своего «Мерседеса» и, потянувшись на яркое Солнце, завертел шеей, разминая затёкшие от долгого сидения мышцы. Полковник вышел из джипа сопровождения, огляделся по сторонам и попросил шефа:

– Николай Фомич, опасно, сядьте в автомобиль.

– Да там движок заглох.

– Здесь что-то не то. Или широкополосные помехи... или... у нас в войсках учили, что при ядерном взрыве есть пять основных поражающих факторов, – Полковник говорил, и одновременно закрывал собой шефа от открытого пространства. – Световое излучение, ударная волна, проникающая радиация, радиоактивное заражение и электромагнитный импульс. Похоже – он.

– Кто?

– Импульс, мать его...

– И чего теперь? – Рекрут смотрел без страха, но с недоумением.

– Ну, взрыва, допустим, по причине отсутствия других факторов, – явно не было. Значит, кто-то или что-то спровоцировали этот грёбанный ЭМИ... ну, импульс. А вдруг людишки?.. Ваши враги? Много «доброжелателей» не хотят вашего выдвижения... – глаза Полковника бегали по сторонам, а жестами он руководил выпрыгнувшим из машины телохранителям, указывая на место, где тем расположиться.

Меж тем набережная превращалась в растревоженный улей. Народ разных мастей и сословий грязно ругался, глупо улыбался, грубо орал друг на друга и создавал толпу ничего не понимающих и разозлённых индивидуумов, постепенно сливающихся в комок нервов и агрессии. Прошло достаточно времени, пока подъехала машина ДПС. Это была старенькая шестёрка «Жигулей» с надписью на борту «...лиция». Очевидно, первые буквы сорвали только что, дабы не компрометировать громкое и звучное название профессионалов – «Полиция» несерьёзным и архаичным «Милиция». Сколько лет прошло? А всё надписи не меняют. Но, машина подъехала та, которая завелась. Остальные полицейские наряды так же стояли пойманными мустангами-жеребцами, стреноженные неясным явлением. Машина с «...лицейскими» кое-как пробралась по тротуару в гущу орущих людей и заглохших железных коробок, совсем еще недавно

представлявших собой ярких, и не очень, представителей мирового автопрома. Полненький и краснолицый, в плохо сидящей на нём форме, сержант выкатился на набережную и с чувством спасающего весь мир героя стал прохаживаться в толпе, явно не зная, что делать. Он кряхтел и ходил, заложив полосатый жезл за спину. Мысли никак не посещали его неразумную голову. Саша Полковник окликнул сержанта:

– Начальник! Эй, – он присвистнул и замахал рукой. Сержант недоумённо ткнул себя пальцем в грудь и почему-то шёпотом спросил:

– Я?

– Ты, ты. Поди сюда.

Неотягощённый разум и привычка делать, а потом думать, заставили стража порядка приблизиться к солидному дядьке.

– Ну?

– Да, не ну, а слушай сюда, – Саша Полковник достал свою ксиву и сунул её в нос сержанту. – У меня спецпассажир. Вот тебе хлопец, – он указал на здоровяка, прикрывающего Николая Фомича. – Сажай шефа и его в машину и быстренько на Охотный ряд. Где Дума, надеюсь, знаешь?

– Так точно, – неуклюже поправляя пародию на обмундирование, прогнусавил сержант.

– Ох, горе мне с вами... ты как форму носишь? В армии служил?

– Почти...

– Как это? – Полковник усмехнулся. – Ну ладно, сейчас не важно. Ведро работает? – он указал на обшарпанный синий колпак спецсигнала на крыше «Жигулей».

– Не знаю. Какая машина завелась, я ту и взял...

– На маршруте опробуешь, давай... – и, обращаясь уже к Коле Рекруту, продолжил: —Николай Фомич, прошу в самодвижущийся аппарат органов правопорядка... Давайте, давайте... Бережёного, как говорится, и Бог бережёт.

– А не бережёного – конвой стережёт, – пробурчал Коля Рекрут и полез в машину.

В этот момент его голова лопнула сзади, и чуть повыше надбровной дуги, с противоположной стороны, из образовавшейся дырочки хлынула кровь. Всё тело Коли Рекрута дёрнулось. Он взмахнул рукой, обмяк и, падая, выскользнул из штанов, которые соскочили почти до колен. Слетел и один туфель. (Депутаты ботинок не носят. Везде тепло. И в машине, и в кабинете.) Полковник видел такое не однажды.

– Снайпер! – крикнул он и по инерции, выхватив пистолет из подмышки, упал на Колю Рекрута, которому было теперь всё равно.

Глава 4

План одобряем

В доме на противоположной стороне набережной, у окна, стояли двое. Толстяк, с лысой головой и большим квадратным подбородком и мужчина – среднего роста, в строгом костюме, галстуке и с биноклем в руках. – Всё видели, Сергей Сергеевич... – скорее подтвердил, чем спросил толстяк.

– Какой кошмар, – без эмоций пропел Сергей Сергеевич. Столько людей стало свидетелями... Это не работа.

– Половина ничего не поняла, а половина ничего не видела. Те, кто рядом... вон, прячутся по машинам... Сейчас поедут... Вот, видите? Уже завелись. У них в данный момент ступор от непонятности происходящего. Так бывает. Ну, посудите сами: вдруг глохнут все двигатели, подъезжает сотрудник полиции, падает человек, его накрывает телом другой. Всё нереально, но за гамом и возмущениями и неразберихой... Вон, тело уже спрятали в джип. Молодцы.

– Кто у него смотрел за телом? – отняв бинокль от глаз, спросил Сергей Сергеевич.

– Сашка ГРУшник. Этот подумает десять раз, прежде чем шум поднимать. Он же видит – Рекрут мёртв, значит искать надо нового хозяина. Он понимает, что убрали его не урки с «мылзавода» и не дружки его, бывшие сидельцы.

– Что, и заявления не будет?

– Будет... Конечно, будет. Дело будет... И вести это дело будет следователь Алимов...

– Он уже стал «важняком»? – Сергей Сергеевич отложил бинокль и присел к столику, сервированному и накрытому на две персоны. Кофе, сладости и немного фруктов.

– Вчера... утвердили.

– Алимов, Алимов... – Сергей Сергеевич задумался. Я знал неплохо его дядю. Хороший был человек... преданный. Пострадал от Дяна с Петровым... Эти гадёныши многим поднасрали... А что, скажи, – он прихлебнул из чашечки, – так и того, – он глянул вверх, – и самолёты можно тормознуть?

– Думаю, скоро можно будет. Пока радиус пятьсот метров, примерно...

– Хорошая штука. Но представь, если она не у нас в руках. А?

– Америка работает над этим очень давно. Европа с Японией не отстаёт. Но, сами понимаете – гуманность... – лысый не договорил, его перебил Сергей Сергеевич:

– Какая, Петя, гуманность, к чёрту? Они полмира ввергли в гражданскую войну. И пойдут на всё... – он причмокнул и, покачивая головой, добавил: — Ни стыда, ни совести. Прямо не люди, ей-богу, – речь его лилась монотонно без эмоций и препинаний. Он словно барабанил заученный текст, не вдумываясь в смысл сказанного.

– Это ж надо! Так ненавидеть всех людей! Смотри – Сирия, Ирак, Ливия, Египет, Афганистан, Украина!

На подходе Молдавия... А перед тем Югославия... А ты говоришь гуманность. С волками жить... – он поставил чашку и закивал головой, продолжая жестом недосказанное. Лысый вытянулся в струнку:

– Понял. Так что? Даём отмашку на подготовку представления аппарата? – Петя преданно и хитро смотрел на старшего товарища, вкладывая в смысл вопроса явно что-то больше сказанного.

– А у этого Коли, как, чёрт его, – Сергей Сергеевич прищёлкнул пальцами. – Забыл его прозвище.

– Рекрут, Сергей Сергеевич. Коля Рекрут. Гангстер и убийца.

– Постой, но он же депутат... Член какой-то там фракции. И вдруг гангстер? – явно с сарказмом пробубнил Сергей Сергеевич.

– Так бывает, увы, – толстяк развёл руками, не широко, но медленно, для усиления значимости произнесённого. – Ничего не поделаешь. Россия-матушка. Я и... уверен, вы за него не голосовали. Он по партийным спискам прошёл... Говорят, много отвалил, – Петя хихикнул в кулак, как будто вспомнил чего.

– Да. Много ещё предстоит нам поработать. У него, этого Рекрута, семья, дети?

– Воровское кодро – вся его семья. Говорят, он последнее время по мальчикам специализировался.

– Что, трахал их? – при этом элегантно пожилой мужчина показал двумя руками жест, означающий озвученное им действие, очень умело и энергично.

– Ну, вы, Сергей Сергеевич, когда удивляться перестанете? Ей Богу... как на Луне живёте. Да у нас почти вся Дума на учёте по этим делам, а про СМИ и говорить нечего. Все же телевизионщики – петухи, зуб даю!

– Но это здорово! – сказал Сергей Сергеевич.

При этих словах лысый поднял вопросительно брови вверх, а его шеф продолжил, поясняя:

– Очень хороший рычаг воздействия в случае чего. Хотя, с другой-то стороны... Ну, вот... что же закон там «антигейский»... Это ж они, что – против себя, думаешь? – Сергей Сергеевич явно лукавил. Он любил косить под такого простака перед подчинёнными. Перед руководством – была сама уверенность. Чёткость. Твёрдость. А перед подчинёнными играл в простачка, дабы показать свою непричастность ко всему происходящему. Такой адепт идейного борца, с личной непорочной репутацией. Подчинённые знали об этом и подыгрывали с радостью.

– Самые ярые антисемиты – евреи, самые ярые гомофобы – латентные, а иногда и явные, но скрывающиеся педерасты... Это не я сказал, а вы, Сергей Сергеевич. Забыли...

– Ну, всё равно – молодец. Сказал хорошо. А как же зона там и всё прочее? У них ведь не принято?

– Да авторитетные сидельцы его не уважали никогда. Он же больше по беспределу...

– Ну, значит, и правильно убили, – тоном обыденно будничным промурлыкал Сергей Сергеевич. – Ты вот что, Пётр. Готовь своих разработчиков. Докладывать заказчику надо вовремя и под хорошее расположение духа, – Сергей Сергеевич хитро улыбнулся, склонив голову как-то неловко набок и, хмыкнув, добавил: — А солнечное «паление» – это тоже вы?

– Совпало... но прогноз знали. Воспользовались. Теперь проще будет оправдание найти. Всплеск на Солнце. Заголовки в завтрашних подконтрольных газетах заготовлены, – Петя-толстяк достал из бокового кармана лист бумаги, развернул его и зачитал: «Небывалые протуберанцы на Солнце!», «Всплеск на небесном светиле родил магнитную бурю», «Что ещё нам преподнесёт Светило?» и так далее, – закончив читать, убрал лист обратно, приблизился к столу и стал прихлёбывать остывший кофе.

– Давай, знаешь, как сделаем, – Сергей Сергеевич прищурил глаз в задумчивости.

– Как?

– Я – на доклад... прямо сейчас. А ты, – Сергей Сергеевич поднял указательный палец вверх, явно выделяя что-то очень важное. – А ты – к своим профессорам. Готовьте правильный доклад. Не мне тебя учить. Чтобы смета была... не копеечничайте, в общем... Даром, что ли, работали. Да и пусть поменьше болтают. Я имею в виду не на стороне, это вообще не обсуждается. Я имею в виду, пусть не болтают промеж собой про откатки, подкатки... Мне эти крохи ни к чему. Но средства – ведомству пригодятся. Вы же своими щипками – порочите имя... и дело.

– Они и не в курсах, вообще. Они ж на окладе. А расчёты по затратам мой человек делает.

– Замечательно, план одобряем, – Сергей Сергеевич вышел за дверь, что-то бормоча себе под нос.

Петя, оставшись один в комнате, допил одним глотком кофе, заглянул, подняв крышку, в кофейник, рассовал конфеты, стоящие в вазочке по карманам, и тоже удалился. Он был в хорошем расположении духа. Как же – испытания аппарата прошло успешно – это, во-первых, а во-вторых, убрали под шумок его давнего врага – Колю Рекрута. Теперь задача осталась чисто техническая. Сергей Сергеевич доложит о своём личном участии в эксперименте и его успешном проведении, а он – Петя, подготовит учёный контингент к «правильному» докладу о завершении проекта. Это сулило неплохое продвижение, и вдобавок – хороший куш. Затраты по проекту составили так, – мелочишка, но смета составлена грамотно – комар носа не подточит!

Петя, он же Пётр Миронович Кривых, вышел на улицу. Сел в скромный, старенький «Ford» и покатил в лабораторию. Деньги ему были очень нужны. Кому они не нужны. Но ему сейчас просто необходимы, эти чёртовы бумажки. Он работал с Сергеем Сергеевичем давно, выполнял, в начале карьеры в основном функцию – «прими, подай, беги, а то долбанёт!» Позже на вторых и третьих ролях работал в системе безопасности. Аналитика – его задача. Но вот, года два назад он возглавил отдел внедрения инновационных технологий. Куда их внедрять, и с чем это «едят», толком не знал никто. Но слово модное. Понятие современное, а значит, надо проявить себя. И надо же такому случиться! Прямо в масть произошло. Словно по заказу – его одноклассник как-то за столом рассказал в пьяном угаре, что давно изобрёл аппарат, который запросто остановит любую машину, управляемую с применением электроники. Это был шанс. Одноклассник, давно и сильно пьющий человек, был всё-таки неплохим изобретателем. В семье что-то там у него не сложилось, да и хватки не было, вот и пил. Кривых, обладая звериным чутьём до всего полезного, уцепился за план и сумел преподнести его помощнику Сергея Сергеевича. И – выстрелило. Одноклассника отмыли, закодировали, пристроили к делу. Получился замечательный завлаб – Лаптев Евгений Иванович, школьная кличка – Лапоть. Включили разработку его идеи в план на предстоящий год. Возглавить проект разработки поручили Петру Мироновичу Кривых. Он развернулся. Заработала лаборатория, затараторили служебные телефоны, заскрипели кожаные кресла под задами нанятых сотрудников, засветились экраны сверхсовременных компьютеров, заработал бюрократический аппарат, распределяя премии, отпуска, путёвки, надбавки и проценты, завертелась карусель под названием современное инновационное производство. Оно обросло всей необходимой атрибутикой. Кабинет руководителя проекта – Петра Мироновича Кривых, секретарша с кофеваркой, уборщицы в форме, завхоз с озабоченным видом и левыми счетами на «хозяйственные нужды», любовные интрижки и корпоративные пьянки по праздникам. Короче – коллектив единомышленников за деньги налогоплательщиков.

Долго его лишь спрашивали: «Ну, как успехи? Осваиваете бюджет?» Бюджет осваивался. И очень даже успешно. Благодаря тому, что они ничего осязаемого не производили, а проект проходил под грифом «особой важности» – высшая степень секретности, откат доходил до восьмидесяти процентов, и успешно оседал на счетах команды Сергея Сергеевича, иногда давая неплохой осадок в бюджет Пети Кривых. Но всему хорошему иногда приходится заканчиваться. Не совсем, но... В общем, потребовался отчёт и подтверждение хоть какими-то фактами работы. Пётр Миронович представил ворох документации, кучу графиков, схем, смет и прочей маскировочной чепухи. Все одобрительно кивали головами, ибо сами же и делили откатные средства. Работу признали удовлетворительной, но попросили практическое подтверждение. Схема была по-детски наивной. Современные технологи от распила бюджета давно действуют по другим схемам, где целая сеть подставных фирм, дочерних предприятий и смежников умело отчитываются за пустоту. Да-да, за не выполненную работу, но активированную, утверждённую и оплаченную. Плюс подключали схемы поглощения более мелких, действительно что-то делающих предприятий, уводя деньги в офшоры на нужные счета. Однако в

ведомстве Сергея Сергеевича действовали по старинке – откат, он и есть откат. Получил бюджетные средства – отчитался за все, но процент назначенный отдай благодетелю, заказ подогнавшему. Их не проверить. Закрытый бюджет. Закрытая информация. И все сложности ни к чему.

Аппарат, воздействующий на электронные средства, был готов давно. Его собрал Петин одноклассник Лапоть, а ныне кандидат технических наук и заведующий лабораторией Евгений Иванович Лаптев. Прибор, собранный в гараже, ещё пять лет назад, достали, отмыли и испробовали на детской радиоуправляемой машинке. Сработал! Машинка взвизгнула и заглохла. Были составлены акты, сняты ролики в семнадцати ракурсах с кадрами схем, цепей, графиков и пояснений изобретателя. Доклад прошёл наверх. На этом испытания и завершились. Все понимали, что это туфта. Но сознаться не могли – замараны все! Долго продолжаться шоу не могло. Проект хотели спустить на тормозах. Замылить в заброшенных отчётах и похоронить с сотнями других, таких же никчемных и ненужных. Но незадача. Сверху потребовали ещё эксперимент на реальных объектах. Долго готовили и утверждали планы, сметы, графики, и главное – средства... А сегодня эксперимент состоялся! На свой страх и риск проводили на оживлённой улице. И удачный! На случай неудачи было, конечно, заготовлено научное обоснование, но оно не понадобилось. То ли Лапоть действительно гений, то ли Кривых везунчик. Первое по-настоящему крупное задание – и несомненный успех! Когда год назад Петя подкатил с этим предложением к помощнику Сергея Сергеевича, тот рассмеялся. Какие-то эфемерные планы по разработке аппарата, дистанционно влияющего на работу электронных приборов. Но Пётр страстно объяснил помощнику, что перспектива неслыханная. Тот убедил Сергея Сергеевича. Поехало потихоньку. И вот уже звучат с разных трибун в перечне «достижений научного прогресса отечественных разработок», громкие фразы про чудо-изобретение, применимое в военном деле. Шумок поднялся. Но! Результата ведь нет! А деньги в бюджете заложены! Нужно было хоть что. Хоть вечный двигатель. Главное, отчёт о потраченных средствах. Но вот когда всё-таки Пётр Кривых уговорил лично Сергея Сергеевича посмотреть эксперимент с аппаратом, к делу подтянулись и другие структуры, под шумок включившие в процесс элемент устранения зарвавшегося бывшего уголовного авторитета Коли Рекрута. Так сказать, совместили эксперимент с основной деятельностью всего большого хозяйства Сергея Сергеевича. Результат налицо. Аппарат работает, это раз. Деньги бюджетные потрачены не зря, это два. Коля устранён не без помощи аппарата – три. И наконец – затраты минимальные, а бюджет и смета приличные. Довольны все. И заказчики, и исполнители, и Пётр Кривых. Ура! Он ликовал, ведя свой старенький авто, мягко и опасливо лавируя в московских пробках и пробиваясь к головному офису.

Проект одобрен! Значит, будет заказ, может быть и в промышленных, но, конечно же, в ограниченных масштабах. На секретных предприятиях. А это уже другие деньги и другие барыши!

Глава 5

Гром-баба

Она родилась в семье, где не знали, что есть можно из отдельных тарелок и пользоваться не только ложкой. Мать приехала из-под Рязани, работала всю жизнь уборщицей. Отец – пил и умер рано, не дожив до счастливых дней, когда водка продаётся везде и круглосуточно. Природа наградила её статью, привлекательностью и хитреньким умением дружить со всеми, словно не замечая людских пороков и гадостей, которые преподносят ей знакомые. Простую житейскую истину – «друзей много не может быть», она понимала, как «много друзей не бывает». Страсть к мужскому полу, а скорее жадность ко всему чужому, в данном случае к мужикам, делала жизнь насыщенной романчиками, более похожими на периодические случки. Стоило мужику хоть раз с ней заговорить – и он уже гарантированно с ней переспит, а потом, хоть через год стоило переспавшему позвонить, и она уже готова к встрече, не вспоминая причину расставания и не имея обиды за долгое молчание. Порой окружающие удивлялись, как видная и красивая женщина общается с никчемными, несостоявшимися лодырями и неудачниками, да ещё с непрезентабельной внешностью. Удивлялись не все.

Мужчины, добившиеся положения и имеющие статус (негласный) «завидных», считали неприличным общаться с ней. Но тайно, иногда – общались. Быть очередным «одним из многих», хоть и с красивой бабой, нормальный мужик себе не позволит. Если изредка, в силу каких-то причин, и случались у неё такие мужики, то продолжения такие отношения не имели. Однако Люба пользовалась знакомством и могла иногда попросить одного из случайных «бывших» об одолжении. Помогали. Не желали огласки, видимо, имеющегося факта в их биографии. Подруги тоже любили общаться с ней в «полноги». Но это не помешало ей переспать, хоть по разу, со всеми их мужьями.

Работы толком не имела никогда. Перебивалась временными заработками. В девяностые немного «челночила». Но малоуспешно. Позже торговала, перекупая и продавая. Но, странное дело, была всегда при каких-то доходах. Откуда? Никто не знал. Ходили слухи о её покровителе, которого якобы видели один раз с ней в одном дорогом ресторане. Очень взрослый и серьёзный господин. Но то всё слухи...

Высокая блондинка с тёмными огромными глазами, она излучала вульгарную похоть, хотя и не всегда это осознавая. При детальном рассмотрении легко было заметить и неправильные, почти мужские крупные черты лица, и некрасивые «уши» по бокам бёдер. Но в целом она воспринималась большой и красивой, а точнее, заметной и яркой. Звали её Любовь Кравцова. Отчеством не пользовалась, может потому, что имя отца не очень ей нравилось: Савелий. Любовь Савельевна – не очень звучно, по её мнению, хотя, по мнению других – очень даже «аппетитно» и экстравагантно. Но на вкус и цвет...

Её многочисленные партнёры называли её то Любашей, то Любаней. Иногда Любкой. Многие просто – Люб, или ещё проще – «эта». Вообще, когда о человеке говорят «эта», звучит обидно унижительно, но и подчёркивает самобытность и известность того, о ком идёт речь. Ну, допустим, в определённой компании зашёл разговор. Один говорит: «Вчера был у Этой...» И всем, без лишних слов ясно, о ком речь. Она не сильно скрывала свои многочисленные связи. Мужчины, делившие с ней в разное время любовное ложе, догадывались друг о друге. Люба же умела всё обставить так, что каждый считал другого рогоносцем, чувствуя себя главным любовником. Денег они ей почти никогда не давали, но она крутилась и жила довольно безбедно, подрабатывая частным маклерством и посредническими услугами, пользуясь многочисленными связями и знакомствами. Везде – своя баба в доску. И в пьянке, и в работе. Жила она в маленькой квартирке, но недалеко от центра. Ездил на старом «Пежо», а чаще общественным транспортом, используя время проезда для очередного знакомства с представителями...

чуть было не сказал «сильного пола». Скорее, не сильного, а «сального». Вот и в тот день высокая сексапильная блондинка вышла на станции метро «Таганская» и, сверкая радостными глазами, шла, высоко держа голову и играя холёным тугим крупом под плотно облегающей формы юбкой. Последний любовник исчез, не найдя оправданий своему поступку. Даже не позвонил. Любана две недели маялась одна, и её эгоистичное «я» жаждало новых отношений или новых ощущений, а неуёмная натура – горячих впечатлений. А скорее, удовольствия от того, что украла у другой, которой мужик принадлежит. Она шарила глазами, ища взгляда мужчин везде: сидя в вагоне метро, стоя в очереди за колбасой или заправляясь бензином на бензоколонке. Пока – голяк! Не клюют. Она старела, плохо замечая это. Поэтому объясняла себе уменьшение числа любовников простыми женскими доводами. «Мужики в Москве перевелись, а оставшиеся выродились. Ну, ладно, альфонсы, а то ведь и эти – то пьют, то под «хвост» балуются. Называют себя загадочно «нетрадиционными изгоями». Эдакие – непризнанные «гении голубого секса и неординарные личности, непонятые гопниками и снобами среди «постсовдеповского» закомплексованного люда». Те мужики, кто получше – заняты. Имеют помимо жены любовницу, иногда не одну, или кучу домашних – дочерей, сестёр, мам, тётц и всякого другого «нашейного» бабьего стада. Не подступится! Заклюют! Но сегодня Люба решила – во что бы то ни стало закадрить хоть какого мужичонку. Не для души, так – «на раз-два».

Вообще всем окружающим трудно было дать объяснение такому поведению странной блондинки. Она была лёгкой в общении, острой на язык, страстной в постели и немного загадочной. Проявлялась эта загадочность в её периодическом исчезновении куда-то «по делам». В каких-то ночных звонках «одного знакомого». В странной серьёзной задумчивости, когда никто не смотрит. Что-то скрывалось за этим большим и развратным творением природы. Какая-то неуловимая чёрточка ответственности за происходящее. Никто до конца не мог её раскрыть. Её – Любу Кравцову, всеобщую знакомую и всеобщую любовницу. Она что-то писала иногда на своём компьютере, улыбаясь при этом с явным злым сарказмом. Часто зачищала компьютер, стирая всё, что было ранее в его памяти. Но эти маленькие странности были никому не известны.

Сегодня, переходя улицу у театра, Люба случайно столкнулась с молодым человеком. Точнее, он сам, неуклюже лавируя среди людей, задев всех своим портфелем, врезался в Любашу, уронил очки, наступил на них, долго извинялся, краснея и заикаясь, а потом, присмотревшись и увидев красивую женщину – совсем потерял дар речи.

– Ну, – Люба, язвительно улыбаясь, искала черты привлекательности в ботанике, вытиравшем стёкла поднятых с асфальта треснувших очков. «Рослый, молодой, не жирный – это плюс. Тютя, размазня, нищий, судя по одежде и особенно обуви, – это минус».

– Что, простите? – он, наконец, напялил на нос перекосившиеся очки.

– Вы нарочно, или так, от задумчивости? – «А он всё-таки ничего. Наверно, и в штанах кое-что имеется». – Я, видите ли, шёл...

– Шёл, он, видите ли. И чуть не сшиб под троллейбус бедную девушку. – «Очень даже ничего!»

– Простите, задумался... простите.

– Ну, и чего стоим? Помогите дойти до скамейки. Я ногу ушибла, – соврала Люба и захромала, придерживаемая неуклюжим молодым человеком. – И как нас зовут? – девушка кокетничала, но придерживавший её парень не замечал этого.

– Кого «нас»? – молодой человек недоумённо посмотрел по сторонам.

– Вот балда. Нас это значит вас. Неужели не понятно? – Ну... Понятно... конечно, теперь понятно, – парень оправил пиджачишко, явно не по росту, и представился, поправив пальцем очки на переносице:

– Рома... Э... Роман Зюлькин, – и добавил, явно нервничая: —К вашим услугам, – лицо его сделалось красным, а глаза смотрели на обувь.

– Зюлькин? – Люба не сдержала смех.

– Зюлькин... Фамилия.

– Интер-ресная фамилия. Швед?

– Кто?

– Ты. Швед? С такой-то фамилией.

– Я гражданин России... но... если честно, то да... я... еврей... – Рома краснел и пыхтел. Ему явно понравилась высокая блондинка. Он не знал, как себя вести, но и не пытался уйти. Да ему бы и не позволили.

– Ну, что ж, Рома Зюлькин...

– Зюлькин, – поправил он Любу.

– Мне больше нравится Зюлькин, – дама подмигнула Роме большим ярко накрашенным глазом и звонко засмеялась. Придётся тебе проводить даму до дому. А?

Рома совсем растерялся, поёжился, опять поправил кривые от падения очки и мямлил что-то про аквариумы, работу и вообще...

– Никаких отговорок. Натворил – отвечай.

– Понял, – он привык подчиняться. Ему нравилось, когда дают задание, а он уж выполняет, не совсем и далеко не всегда задумываясь, зачем.

Через полчаса Рома, сидя за столом у Любы дома, прихлёбывал сухое вино и закусывал бутербродом с сырокопчёной колбасой, что малосочетаемо, но вкусно. Люба, в хорошем расположении духа, кружила вокруг и предлагала новому другу то выпивку, то закуску, не забывая при этом весьма откровенно прислоняться упругим бюстом к Роминому плечу, отчего Зюлькин краснел и не мог проглотить кусок.

– Так, говоришь, за рыбками присматриваешь?

– Нет. Ну, в общем – да... Но не присматриваю, а как бы это... Провожу наблюдения и вывел интересную теорию и закономерность. Так называемый рыбий мир, простите за не совсем уместное сравнение. Похож очень на наш... ну человеческий. То есть, – он зажмурился, замотал головой, – нет, не совсем так. Просто многие законы, или условности нашего сосуществования очень сходны с их, рыбьим социумом! Представляете?

– Ой! Удивил бабу толстым хреном! Я давно знаю – люди как звери. А рыбы? Те же звери. Вон у нас в деревне, когда к бабке еду. Да что ты! В стаде коров, ещё одно там осталось в агрохолдинге. Такие законы. Ого! Есть и вожак, и приближённые тёлочки, и смотрящие и... короче – как у нас. Тоже мне, открытие сделал.

– Да, Люба! – вздохнул Роман. – Я знаю, порой народная мудрость и наблюдательность могут привести к замечательным открытиям, – он захмелел, и ему было хорошо.

– Эти открытия каждый пацан в деревне знает. А вот бычков племенных – маловато, – девушка вздохнула. – Как и у нас... – И она погладила Зюлькинда по ноге выше колена...

Многое что мог себе представить Рома Зюлькин в этой жизни. С фантазией у него было в порядке. Но такого! Он лежал голый на большой кровати и смотрел в потолок, соображая – в раю он или ещё на земле. Мама не рассказывала ему, читая Агнию Барто и Чуковского, что есть женщины которым «это» нравится. Рома был искренне уверен, что всем женщинам противна даже мысль об «этом». Он тайно, запершись в туалете, листал затёртые глянцевые журналы, наводнившие одну шестую часть суши в девяностые, и проповедовавшие свободные отношения, отвлекая жителей разорённой страны от повседневных невзгод. На листах журналов красовались дамы в таких позах и с такими формами, что Рома не мог уснуть. Позже, уже в двухтысячных, он, ещё совсем пацан, экономя на всём, включая еду, купил видеоманитофон, и, застывшие глянцевые картинки ожили, лая на немецком языке и возбуждая молодой организм вздохами, криками и откровенными сценами ожившей Камасутры. Потом интернет с его

вседозволенностью. Но то журналы и фильмы, да ещё западные. А тут вдруг такое и наяву! Люба была великолепной любовницей – и это во-вторых, а во-первых, Рома не знал, что он сам на всё происшедшее здесь только что способен. Да, откровенно, сравнивать было не с чем. Любана стала его первой женщиной. Он лежал и твёрдо решил – женюсь! Люба плескалась в душе и, улыбаясь своему отражению в зеркале во всю дверь, удивлённо кивала головой. «Надо же. Такой тютя, а каков кобелино! Надо запрягать, пока в свободном выпасе. Если не врёт, конечно!»

Рома слышал звонок своего мобильного, но не мог сообразить, что за звуки. Он ещё полностью не отошёл от всего. Люба выглянула из ванной:

– Кажись, звонит! У тебя, наверное... Э-эй... Ты не помер от нагрузки?

Зюлькинд огляделся, стыдливо, как бы опомнившись, прикрылся простынёй и спешно стал искать трубку.

– Алю... Кто-кто?... А, Катя...

– Какая это там Катя, – улыбаясь, но изображая ревность, подошла к нему Люба.

– Да, Катя, я всё, как ты просила... да... и захлопнул, и проверил, – Роман, прикрывая одной рукой ухо, отвечал девушке, не обращая внимания на Любу. – Там ключ валялся, так я на комод его... Хорошо.

Люба смотрела на меняющегося в лице парня и хмурилась.

– Катя, говоришь. Ну, ну, – и, улыбаясь, шлёпнула его подушкой по темечку. – Какая это сучка Катя тебя охмурила? – шутивно, но грозно приговаривала Люба и долбила Рому по башке подушкой. Он отбивался не совсем успешно и оправдывался, рассказывая сбивчиво про домработницу в квартире, где он следит за аквариумом.

– Так она не того? – Люба показала жестом, что подразумевает под словом «того», ударив ладошкой поверх кулака.

– Нет, конечно, не того-этого, – бурчал Зюлькинд, пытаясь найти трусы среди постели.

– Живи пока, – Люба отбросила подушку и, сладко потянувшись, швырнула Роме его трусы прямо в лицо:

– На, а то застудишь своего полица.

– Почему поли... я... собственно... не сердитесь... Хотел предложить вам, то есть тебе... я хочу...

– Ну, рожай! – Люба стояла на кровати, на коленях уперев руки в бока. Она была красива и сильна. Тугие налитые бёдра, небольшой упругий животик и грудь! О, это была действительно грудь. Причём нигде ни грамма силикона!

– Да... наверное, конечно, не вовремя... – Рома натягивал трусы и одновременно пытался надеть очки, что естественно не получалось. Он запутался в своих ногах, уронил очки и, наконец, пробурчал:

– Я хотел... то есть хочу... предложить вам руку и, так сказать, сердце...

Девушка тряхнула густой прядью белой гривы и, прикусив нижнюю губу, явно сдерживала смех:

– Я у тебя первая?

– Ну... в какой то мере, если не считать... но там только поцелуй... Да... – Рома, наконец, напялил трусы и теперь предстал перед ней нашкодившим ребёнком, которого мамка застукала за рукоблудием...

– Позвони мне завтра, – абсолютно серьёзно, с грустинкой ответила девушка, и ушла в ванную.

Глава 7

Пропажа обнаружена

Семейство Хомичей вернулось из поездки не через три недели, как считала Катя, а на пятый день после кражи. Что-то там у них стряслось. Даниил Львович прямо с порога, даже не переодевшись, а лишь бросив чемоданы на пол, побежал в уборную. Причитая и причмокивая, он бормотал что-то про невыносимые пробки и расстройство желудка. Алла Степановна плюхнулась на диванчик в прихожей и стала снимать сапожки. Ноги отекли, и сапожки не желали сниматься.

– И кто придумал эти дурацкие застёжки, – возмущалась она, как вдруг... Её взгляд выхватил из полумрака комнаты серебряный блеск ключа, почему-то лежавшего на комод. – Даня, – завершала она, приложив руку к тому месту, где подразумевалось сердце, – Даня, засранец хренов, ключ! Скорее, – Алла Степановна ступая на застрявший на ноге сапог и поэтому прихрамывая, попрыгала в комнату. Это действительно был ключ от сейфа. Нехорошее предчувствие сковало большую грудь госпожи Хомич, но она нашла в себе силы ещё раз позвать мужа:

– Даниил, твою маму! Ключ! Не за картиной! Нас, кажется, обокрали! А ты всё... прорёшь всё нажитое!

– Что? – Даниил Львович, придерживая рукой штаны, стоял на пороге комнаты.

– Вот, – Алла Степановна указала на комод. Я точно помню – убирала его. Вот. Полюбуйся. Как он здесь оказался, а?... Не вздумай трогать, – предупредила она бросившегося было к ключу мужа.

– Ничего не трогать руками... – сказала она скорбным голосом.

– Да, – муж дёрнул плечом, – но мы же не знаем, пропало ли что-то из сейфа или, может, случайно... ну – вывалился из-под картины... Я не знаю – уборщица задела картину, например. Я говорил – это ненадёжное место... Положила потом на комод... Зачем вору оставлять улики?

Немая сцена длилась довольно долго, пока жена, сбросив, наконец, примятый сапог, не подняла вверх палец и не произнесла зловещим шёпотом:

– А как же отпечатки? Вдруг ограбление...

– Посмотрим. У меня с собой, в портмоне, есть запасной.

Хозяин квартиры вернулся в прихожую, долго рылся в карманах пальто и пиджака и, наконец, выудил ключ – точную копию лежавшего на комод.

– Вот, – он подошёл к аквариуму, мягко ступая, словно боясь кого-то испугнуть.

Сейф открылся привычно легко. Дверца плавно отошла. Даниил Львович с опаской заглянул внутрь и, не говоря ни слова, тихо сполз на пол. Снял очки и заплакал, беззвучно и сопливо.

– Блядь! – только и сказала хозяйка.

Люди обращаются в полицию по разному поводу. У кого-то украли кошелек, кому-то нагрубил и дал в морду сосед, кто-то не доволен шумом после одиннадцати или кошкой, повадившейся гадить на коврик перед дверью. Но обращение, когда пропали большие деньги, хранящиеся дома в сейфе и не занесённые в декларацию о доходах, выглядит не совсем разумным. Так решили пострадавшие господа Хомич. Даниил Львовичпил успокоительные пилюли, тряс головой и пытаясь проглотить таблетку. Алла Степановна судорожно рылась в записной электронной книге, соображая – кому позвонить. Все записи крутились вокруг косметологических центров и пластических хирургов. Можно было подумать, что Алла Степановна только и занята косметологическими процедурами и подтяжкой стареющего лица. Среди записей в основном попадались аббревиатуры и сокращения типа: «Пласт. Хер. Дав. Эд. Лаз.», что для одной только хозяйки записей было понятно, и означало: «Пластический хирург (сокращение

почему-то через букву «е») Даватисян Эдуард Лазаревич». Или: «Косм. Кор. Н. Союз. Б.17». Никакого отношения сия запись к космическим кораблям серии «Союз» не имела, а обозначала «Косметика, коррекция ногтей. Союзный бульвар, дом 17».

Роясь в своих шифрах и кодах, госпожа Хомич, наконец, наткнулась на запись, которая взволновала её, подарив надежду на помощь. «Ад. Рай. Сам. Хам.» Что несомненно означало – «Адвокат Райский Самуил Хамалович».

Телефон Райского ответил голосом женщины: «Вы позвонили Самуилу Хамаловичу. К сожалению, он не может сейчас вам ответить. Оставьте сообщение после сигнала».

Алла Степановна затарахтела в трубку, едва сдерживая слёзы: «Это я! Помните дело о наследстве в Одессе... ну, с бри... ой, с камнями? Мне нужна срочно ваша консультация!» Ожидание было не долгим. Даниил Львович ходил взад вперёд по комнате, периодически открывая сейф и заглядывая внутрь. Сейф всегда оставался пустым.

– Сядь! Что ты ходишь и заглядываешь? Что там прилетит откуда-то и ляжет? Вспомни лучше – кто знал за ключи? – Алла Степановна обмахивалась большим носовым, белоснежным платком и, потирая то и дело виски, посматривала на молчащий телефон.

– Помилуй! Кто мог, кроме нас, знать?

– Я, не знаю... но, может, ты кому-то говорил? Ты же у меня такой дурак... хоть и профессор... ой, боже ж, боже ж мой! Там же этих чёртовых бумаг на миллион почти. А «брыллианты» мои! А деньги! Ведь только ж поменяли на эти чёртовы евро! Скоко всего? Да не молчи ты, изверг! Скоко всего получается? – Алла Степановна смотрела на мужа, а тот теребил редкие волосы и махал руками на все её причитания.

– Я спрашиваю: сколько? Нам же людям что-то говорить надо. Скажи, умоляю, Даник! А то щас тресну по дурной твоей башке. Я ж говорила – в банк! А ты!

– Банки закрывают один за другим. В нашем бардаке не то что деньги, грязное бельё не сохранишь!.. Миллион сто пятнадцать тысяч... если с бумагами и акциями! Ну и твои... эти... – он показал рукой почему-то на свою шею.

– Боже, хоть бы ты не называл такую сумму, – Алла Степановна хотела закатить глаза, но тут раздался звонок её мобильного телефона. Она передумала умирать и, придав голосу трагичность, но стойкость сильной женщины, ответила:

– Ало.

– Райский говорит. Здравствуйте.

Алла Степановна Хомич оживилась, поднялась с кресла, стала поправлять сбившееся на груди платье, как будто её мог видеть адвокат.

– Самуил Хамович, миленький...

– Хамалович...

– Что, не вы?

– Продолжайте, только отчество моё Ха-ма-ло-вич. Продолжайте, – голос говорившего был бархатно-приторный и не позволял собеседнику ни перечить, ни иметь своего мнения.

– Это я, Алла Хомич. Ну, помните? Ну, та, что... Хомич...

– Помню. Говорите коротко и по существу. Я сейчас в Америке. Буду послезавтра.

– Самуил Хамалович, у меня горе, – она всхлипнула и высморкалась в платок, зажатый до этого в ладони. – Пропало всё наше наличное сбережение... всё до копейки...

– Так. В полицию, насколько я могу понимать, обращаться не корректно.

– Ой, как не корректно. Так не корректно, аж подташнивает от страха. А вдруг подумают... да нет – нельзя... помогите, а?

– Ждите. Вам позвонит от меня Александр. Представится – Саша Полковник. Расскажите ему суть вопроса. Он начнёт какие-то действия до моего приезда. Гарантий никаких, но помочь постараюсь. Ждите, – и отключил связь.

– Алла, – Даниил Хомич стоял перед женой с видом человека, идущего под танк со связкой гранат. На его глазах застыли слёзы решимости и отваги:

– Я иду в полицию!

Алла Степановна молча закивала головой и, пожав плечами, выдохнула:

– Иди, конечно. Там хоть с голоду не помрёшь. В тюрьмах кормят... говорят, три раза на день. А я останусь помирать от нищеты. Иди, иди Данник, – она затрясла подбородком и на вдохе, с шипящим свистом, запричитала:

– Господи, сколько лет я удерживаю этого идиёта. Да тебя же там, в твоей полиции, и выпотрошат до последнего. Останешься не только без денег, но и без штанов. Отнимут и квартиру, и дачу, и дом в Ницце, и твою любимую баню в деревне. Куда он пойдёт, люди добрые? Ты, правда, веришь им? Так вон, – она указала на лоджию, – иди к соседу. Тут рядом. Он – полковник этой самой милиции, или полиции, чёрт её разберёт. У него как раз новая жена. Он ей ещё «Мерседес» не купил, а так все при всём. Старой-то, Люське, с детьми – оставил дом в Переделкино. Откупился. Ему как раз сейчас придурков не хватает. Развести и посадить. Поможет! Видать, профессионал, раз такие деньги ему там платят... Где ты живёшь? Сам же только что сказал – бельё... да ну тебя! Идиёт ты у меня.

– Но что делать?

– Ждать звонка от человека адвоката, – и Алла Степановна указала пальцем на трубку. Даниил Львович, вытянув вперёд шею, внимательно посмотрел на аппарат, словно ожидая от него чудесного спасения, и, кивнув с заговорщицким видом головой, согласился, почему-то шёпотом:

– Хорошо... раз ты считаешь... хорошо, – и вышел на цыпочках из комнаты.

Звонков ещё в этот день было два. Первый раз позвонили из сервиса автомобилей, где недавно проходил обслуживание автомобиль Аллы Степановны, интересовались качеством обслуживания, а второй из страховой компании, по поводу продления страховки всё того же автомобиля. Саша Полковник не позвонил. Хомичи не ели и не пили. Сон их был тревожным и кратким. Они постоянно просыпались и глядели на часы. Время остановилось. Когда в девять тридцать раздался звонок – они как раз собирались звонить адвокату.

– Да-да, – госпожа Хомич была бледнее простыни, голос осип и хрипел, словно с перепоя.

– Кто это? – удивились на том конце. – Мне нужна Алла Степановна. Молодой человек, не могли бы пригласить её?

– Это я, – стараясь говорить своим обычным тембром, пропищала Алла Степановна.

– Я от Райского.

– Ах, да, конечно... Мы очень ждём вас. Оч-ч-ень, – обокраденная женщина даже приложила руку к сердцу и сделала брови домиком, подчёркивая драматизм ситуации.

– Адрес?

– Через час с небольшим в квартиру Хомичей вошёл мужчина. Он тихо поздоровался и так же тихо представился:

– Саша Полковник. Я от Райского.

Алла Степановна завертелась перед красивым незнакомцем. Она предлагала: то – сесть, то – чаю, а попутно рассказывала, довольно сбивчиво, о пропаже денег из сейфа.

– Вы даже представить себе не можете, уважаемый господин Саша Полковник, сколько я пережила за эту ночь. Что вы! Такого кошмара я не помню давно. Мне хотелось кричать и плакать, но я только икала и стонала. Потому шо соседи это же не люди, а натуральные сволочи. Они, наверное, и навели. Я же думала, а вдруг эти изверги придут ночью и добьют меня с Даником. Начнут пытаться, а у нас слабое сердце, – при этом она кивком указала на суетившегося рядом мужа. И больные нервы, – здесь она ткнула себя в грудь пальцем... Но когда появились вы! Мне стало спокойнее. Правда... Я же верю и надеюсь. Вы же поможете?

Полковник отставил в сторону предложенный чай, покивал медленно головой и без преамбул сказал:

– Буду разговаривать с каждым из присутствующих в доме, по одному. Ещё кто-то есть?

– Кому тут быть, – махнул рукой хозяин.

– Тогда начнём с вас, уважаемый, как, простите, ваше имя-отчество?

– Даниил Львович, – склонив голову набок и откинув потом слегка её назад, представился профессор, не без гордости.

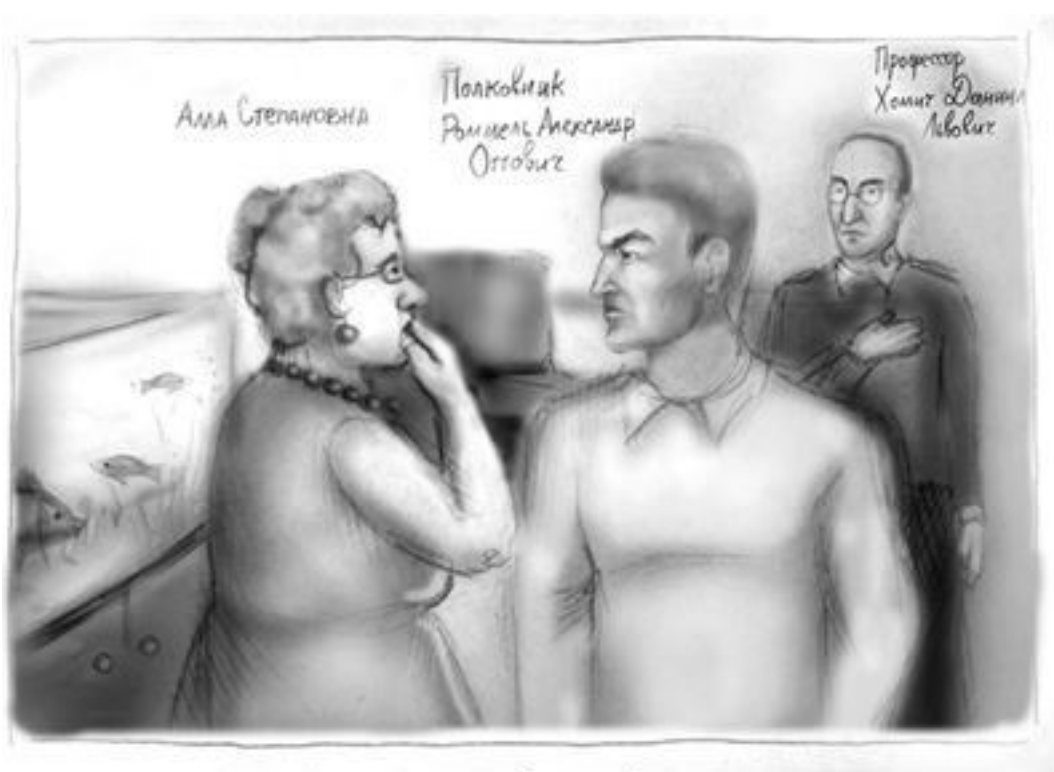
– Замечательно. Вы Алла, э...

– Степановна, – подсказала супруга профессора.

– ...Степановна. Идите в другую комнату и не вздумайте подслушивать. Вот.

Алла Степановна недовольно, но покорно вышла и прикрыла за собой дверь, бормоча про культурных людей и дворянские корни, не позволяющие ей подслушивать. Но, всё же, сидя на кухне, она прислушивалась к тому, что происходит за стенкой, приставив к ней пустой стакан.

Профессор стоял в позе побитого петуха и являл собой жалкое зрелище. Он был в рубашке, застёгнутой криво, и спортивных брюках, видать ещё тех времён, когда границы были на замке.

Вы Алла Степановна, идите в другую комнату, и не вздумайте подслушивать

– Ну, что ж, господин профессор, – Полковник предложил собеседнику жестом сесть. – Я не верю в чудеса. Деньги с ногами не бывают. В теорию заговоров и тайных сообществ, охотящихся на умы нашего общества, даже такие светлые, как ваш, – тоже не верю. Отсюда простой вопрос:

– Что пропало? Когда и откуда?

Даниил Львович мялся. Теревил, как школьник, край мятой рубашки, но всё же отвечал:

– Пропали деньги из сейфа, – он показал сейф, открыв тумбочку под аквариумом. – Акции и ценные бумаги... не именные. Всё вместе на один миллион сто пятнадцать тысяч семьсот евро... Всё хранилось в сейфе, под аквариумом. Да, ещё Аллочкины бриллианты... что-то около пятидесяти тысяч.

– Похвальная точность, – заметил Полковник. – А вот место для сейфа – неудачное. Преступники всегда руководствуются принципом – ищи, где прячут дилетанты. А дилетанты прячут в места, кажущиеся для них не логичными. Ну, ладно. Это теория. Кто знал про место, где лежали деньги? Постарайтесь понять, что, сказав правду, вы сами себе поможете.

– Да кто? Ну, я, ну – Алла... Степановна. Да, пожалуй, и всё.

– Точно всё или «пожалуй»? – Саша усмехнулся, подморгнув глазом смущённому профессору.

Даниил Львович, оглянувшись на закрытую женой дверь, подкрался к ней и, убедившись, что та плотно заперта, заговорил почти шёпотом:

– Александр, вы мужчина, вы должны меня понять! – Про бес в ребро – я так понимаю, собираетесь рассказать? Давайте – кайтесь... отпущу грехи, – он улыбнулся.

– Это чистая случайность. У нас в доме работала, да и сейчас приходит Катя. Девушка очень порядочная, но, как бы это лучше объяснить...

– Да, как есть.

– У нас ничего, точнее, почти ничего с ней не было. Но, в силу сложившихся обстоятельств... в общем, я при ней доставал деньги из сейфа, для лечения её мамы, – профессор обрадовался своему рассказу. По его мнению, получилось правдоподобно и не пошло. – Это уже кое-что.

– Нет, нет. Она сущий ангел. Плакала... да и потом, – она и раньше брала из сейфа деньги, для покупки дивана. Но замок мы сменили. И место хранения ключа...

– Адрес и телефон вашей Золушки, – Полковник смотрел взглядом, не допускающим не то что пререканий, а даже заминки при ответе, поэтому Даниил Львович выпалил без запинок и телефон, и адрес. Он знал его наизусть, всегда порываясь позвонить, чтобы объясниться. По телефону, ему казалось – проще. Но не решался, тем более после произошедшего между ними. Разговор с Аллой Степановной стал простой формальностью, после которой Саша Полковник откланялся и ушёл, приказав «ждать у окна».

Глава 8

Разбитые надежды и новые перспективы

– Что! Только вот эти бамаги и бриллианты? А где же деньги? – Алла Степановна, смотрела на лежавшие перед ней на столе, принесённые Сашей Полковником акции и свои украшения.

– Деньги, очевидно, у грабителей, убивших вашу домработницу, – Саша развёл руками. – Сейчас у нас, а точнее, у вас, два варианта. Первый – идти в полицию, второй – довольствоваться найденным.

– Уб... били... Катю? – Даниил Львович опустил на стул.

– Её здесь? У нас... ну, того? – Алла Степановна, держась за сердце одной рукой, второй делала конвульсивные движения, требуя, очевидно, воды.

Саша подошёл к столу, взял бутылку с минералкой и, налив воды в стакан, подал хозяйке квартиры:

– Убили. Да. Но не здесь – не у нас... точнее, не у вас. Она вас обчистила или её друзья – не знаю. Её убили... У неё на съёмной... Короче смерть пока – тайна для всех. Очевидно, я первый, кто обнаружил труп. Естественно, не сообщил никому. Иначе не имел бы права забрать вот это, что лежит перед вами, Алла Степановна. Нашёл на кухне – в мусорном ведре.

– А пятьсот тысяч? – задёргал нижней губой Даниил Львович.

– Вот я и говорю – в полицию... Ваши накопления унесла домработница. И уж, я не знаю, то ли поделилась с кем, то ли, наоборот, отказалась делиться. В общем, её не поняли. Девушку грабнули, ударив по голове... Я не знаю – поделники её убрали, или залётные какие... Но факт остаётся фактом – её убили на съёмной квартире... Денег не было. Почему не взяли остальное? Может потому, что не нашли. Времени мало у них, видно, было. Я нашёл. Может, не искали вовсе? Ну, или... Трудно сказать наверняка, – почему. Может – стукнули, и она, ещё живая, отдала деньги, а после их ухода умерла... Чёрт, столько загадок. Не готов сразу ответить. Труп до сих пор ещё там. Можем проехать... Вдруг я плохо искал? Дверь прикрыта, но не заперта на замок. Я толкнул – она открылась. Уходя – прикрыл. Меня никто не видел. Камер там нет. Так что, надеюсь, всё чисто...

Хомичи замахали руками, давая понять, что ехать не будут даже за миллион сверху к пропавшим. А Алла Степановна лишь глухо произнесла:

– И эту тварь мы держали в доме. Ничего святого.

– Да... ужас... просто ужас, – бормотал Даниил Львович. Кто бы подумал!

– Ну, тогда надо зачищать...

– Это как? – посмотрел испуганно на Полковника Даниил Львович.

– Ну, Даниил Львович, вы же профессор. Рано или поздно – труп обнаружат. Откроют дело. Установят личность, место работы, выйдут на вас...

– Нет! На нас ничего не надо! – запричитала Алла Степановна. – Только не впутывайте... – и схватилась за то место, где предполагалось сердце.

– Это как раз впутался, а точнее, вляпался – я! Зачищать – моя специальность. Труп не должны найти. У Катерины в Москве, как я понимаю, родни нет. Так?

Хомичи кивнули в знак согласия и пожали плечами, виновато глядя друг на друга.

– Так, – продолжал чеканить слова Саша Полковник. – Значит, нет трупа, нет проблем. Хозяйке квартиры позвонят мои люди и извинившись, скажут, что квартирантка съезжает... Да, да. Съезжает, но оставила деньги за месяц вперёд. А поскольку квартира сдаётся нелегально, то шуму поднимать хозяйка, надеюсь, не будет. Тем более что ей уже мы подыскали нового съёмщика. И она счастливо и самозабвенно продолжит пить на своих шести сотках со сторожем Замиром, наслаждаясь преимуществом владения московской квартирой, – Саша

посмотрел на принесённые акции и украшения. Кивнул в их сторону и добавил: —Всё, что могу, господа. Извините. Вы срочно найдите новую домработницу. Желательно схожую с убитой... Так надо.

– Ой, – при слове «убитой» супруги Хомич вздрогнули.

– ...ну что ж, такова правда жизни. Теперь далее, – Саша подошёл почти вплотную к главе семейства, – про исчезнувшие деньги никому ни слова. Это, конечно, совет. Вам решать.

Даниил Львович заморгал в ответ. Полковник, выпив тоже воды, прямо из бутылки, продолжил:

– Это может навести на след. Подозревать будут меня и... вас, – он глянул на испуганно икнувшую Аллу Степановну. – Вы же меня наняли? Так что переживайте свою потерю тихо. Работу по поиску грабителей и убийц я продолжу...

– А разве это не подлость – не заявить про душегубство?.. – начал было, заикаясь, профессор. – Ведь она же у нас... столько работала.

– А ты ещё пожалей тех, кто и её... она же воровка! Может, и она навела тех, кто потом... по башке? А завтра они явятся сюда? Ты что тогда скажешь? – Алла Степановна подскочила к мужу и прошипела всё это ему в лицо.

– Так я же и говорю... полицию надо бы как-то аккуратно... – инстинктивно, закрывая лицо руками, пробормотал всклокоченный профессор.

– Да. Без полиции, я вижу, не обойтись, – грустно заметил Полковник. – Ну, что ж... ваш выбор, – и он достал мобильный телефон из кармана, намереваясь звонить, очевидно – в полицию.

– Стойте... Стойте! Не надо... Катю – не вернёшь, а мы... а нас... словом – не надо. Найдите их, – госпожа Хомич пыталась заглянуть в глаза Полковника. Тот лишь махнул рукой, спрятал трубку в карман и вышел за дверь, предупредив:

– Будьте на связи. Да, расчёт за услуги – через адвоката. Там ещё за её, Катину съёмную квартиру, за два месяца. Мы хозяйке заплатили... Я говорил. Но это так, пустяки – сорок тысяч.

– Ага, ага... – как в бреду пролепетали Хомичи.

После ухода «серьёзного человека» в квартире стало до ужаса тихо, страшно и неудобно. Профессор прошёл на кухню и достал бутылку коньяка из шкафчика.словно в бреду, он, трясущимися руками, открыл её и стал пить прямо из горлышка. Светло-коричневая влага лилась по подбородку, стекая на грудь и живот. Алла Степановна вошла в кухню, когда бутылка была отставлена на стол. Она заметила потёки на муже и вскрикнула:

– Даня! Что это – кровь?

– Успокойся... это коньяк. И мне стало намного лучше. Выпей и ты, – профессор налил в стакан крепкий напиток и протянул его жене. Та оттолкнула коньяк и полезла в шкафчик за лекарством.

– Ты виноват. Ты, – скрипела, запивая капли валерианы водой, хозяйка квартиры.

Профессор сидел, осоловевший от выпитого и пережитого, и говорил невпопад, без эмоций.

– По теории несовместимости индивидуалистских эмоциональных и психо... ик... матических данных, мы с тобой, Аллаа... Степановна... ик... ой, фу-у... Короче – жить вместе

нам просто противопоказано. Но, к величайшему разочаров... то есть – к величайшей радости, теория часто расходится с практикой. Пить будешь?

– Не могу. Ни пить, ни есть – не могу. Как жить-то теперь? Когда чужие люди вот тут вот рылись, искали. Обворовали. А потом её и... Я не смогу здесь жить. Ты как хочешь. Я уезжаю в Ниццу. Квартиру надо продавать к чёртовой матери.

– Да...

– И дачу – тоже. И вообще – в этой стране жить нельзя!

– Да...

– Завтра же свяжись со своим этим, как его, чёрт... релтером, или риэлтером... Короче, продавать, уезжать и всё. Всё.

– Да... ик...

– О, о-о. Нажрался. Морда твоя профессорская. Тут вещи серьёзные происходят, а он. Иди – ложись... Да оставь ты эту пол-литру, – и она вырвала изо рта Даниила Львовича почти опустошённую бутылку.

Профессор звонко чмокнул губами, глупо засмеялся и, бормоча под нос какой-то мотивчик, отправился в спальню.

В комнате зазвонил домашний телефон.

– Кто там ещё? – Алла Степановна, взволнованно теребя халат, подошла к аппарату, осторожно взяла трубку и тихо спросила:

– Кто?

– Добрый вечер, – голос на том конце был вкрадчиво похабный и излишне приторный. Звонил мужчина.

– Вам кого? – опять шёпотом спросила Алла Степановна.

– Мне бы профессора Хомич, будьте так любезны.

– Его нет дома... То есть спит! Он спит. Да – спит. Позвоните завтра. Утром, – она не успела положить трубку. Даниил Львович стоял рядом с ней в позе ошипанного павлина и гордо и смело спрашивал у жены:

– Это кого, простите, нет дома, а? Это меня, может быть, нет дома? Так я здесь, – с этими словами он забрал трубку у совсем обалдевшей жены, которая ни разу не видела своего мужа в таком виде, и произнёс зычно и бодро:

– Аллэ! Профессор Хомич у аппарата!

– Профессор, я очень рад. Это я – Кривых.

– Что? Каких кривых? Это про мою работу? Не паазволю! – профессор прекрасно узнал звонившего, но чувство личного достоинства, подбодряемое коньяком, не давало ему разрешения признать какого-то там выскочку. Он явно играл, словно на сцене перед публикой, распеваемый своей значимостью.

– Нет, нет же. Это я – Пётр Миронович, уж простите, но фамилия моя Кривых. Так уж повелось... раньше. Кто-то из дворян – Голицыны или Долгорукие, а кто-то и из них, о которых спрашивали – «чьих будешь?». Я значит – Кривых. Ну не это сейчас важно. Ну, вспомните – проект по внедрению инноваций в сфере точного... ну, в академии... Я, как вы тогда считали пришёл на ваше место... Но это не совсем не так.

– А-ах, вот кто это! Так я вам вот что скажу. Вы – невежественный дурак, мой дорогой. То, что вы заняли мою должность – нелепая ошибка, а то, что вы мне предлагали засвидетельствовать, – язык не слушал своего хозяина, – в качестве эсп... эксперта, – в отличие от языка, мысли выстраивались чётко, и память воспроизвела толстого лысого человека, склонявшего его принять участие в эксперименте, никакого отношения к науке не имевшего. Профессор был отнюдь не чистоплюй. Ничто земное было ему не чуждо. Они просто не сошлись в цене. И теперь он напускал значимости. Ему было неприятно говорить. – Я не подпишу эту глупость. Не па-а-д-пи-ишу-у! – Хомич не страдал порядочностью, просто ему не хотелось за

бесплатно участвовать в фарсе. – Да и не надо. Я, по другому, по Вашему, вопросу. Тот проект забудьте. Не моя вина. Вы же сами сказали – невежество, вот я и ошибся. Но ваш... ваш проект. Тот... который вы говорили – плод высочайшего вдохновения. Да, вот... тот проект Сергей Сергеевич одобрил.

Даниил Львович после этих слов, казалось, вырос на голову. Живот подтянулся, морщины разгладились, волосы распрямились, а хмель словно улетучился. Он был гордым до тех пор, пока гордость не касалась его идеи, его тайного увлечения, его творческого поиска, его работы – проекта всей жизни.

– ... простите, прости... ть... ик... Это не розыгрыш? Не...

– Не до розыгрышей, – вздохнули на том конце. – Завтра в девять часов – у кабинета Сергея Сергеевича. – Буду! – стиснул зубы в эмоциональном порыве протрезвевший Даниил Львович.

Трубка запищала короткими гудками, а ошарашенный профессор ещё долго стоял, боясь положить её сверху телефонного аппарата.

Вот уж действительно – где-то убудет, а где-то прибавится! Его работа. Да нет – его детище, плод многих десятилетий труда – может быть, получит признание. Раз сам С. С., к которому у профессора и допуска-то не было, обратил на неё внимание! Это маловероятно – но это, похоже, факт. Этот Пётр, как его, чёрт – Миронович, конечно, прохвост ещё какой. Но к телу Сергея Сергеевича доступ имеет. Все знают. И врать ему сейчас? Зачем? Месть за отказ подписать бред, представляемый научным экспериментом, практически бесплатно? Может быть. Но может быть и по-другому. Этого прохвоста всегда тянуло к запаху денег. Вот обратил внимание его босс на работу профессора, он и задумал присоседиться. Позвонил, предупредил. А там глядишь – и в проект позовут. «Тьфу ты, в самом деле, – Даниил Львович встряхнул головой. – Что за дурацкие выводы, после какого-то звонка?»

Но выводы строились сами. Надежда рисовала в голове профессора картины, расцвеченные яркими красками предвкушения признания его изобретения, получения финансируемой личной лаборатории и... Эх! Даже дух захватило! «А вдруг – не врёт, собака?» Ещё в годы своей работы над «кандидатской» Даниил Львович мало надеялся на реализацию идеи и её практическое применение. Он затронул тему старую, как мир, и такую же неизученную – телепатию. И, как следствие, доказав возможность телепатических способностей отдельных личностей, – попытаться воздействовать на человека бесконтактным методом на расстоянии. Ну, это говоря популярным, ненаучным языком. А если по существу, то ещё в студенческие годы товарищ Хомич увлёкся работами доктора Джозефа Бенкса Райна. Этот американский учёный был в первой трети двадцатого века основателем систематического изучения явлений парапсихологии. Поскольку в СССР работы американцев – были не то что редкостью, они были – «антисоветчиной», а также привилегией для людей, работавших на КГБ, то и работал Даня Хомич на свой страх и риск – втихую. Доставал, где мог, данные и результаты западных исследований (благо – «самиздат» затрагивал все сферы жизни общества. И купить можно было). Он листал, изучая, сидя в уборной, затёртые, рассыпающиеся листы неровно распечатанного текста и восхищался. Он проводил самостоятельно какие-то эксперименты и, независимо от американцев из института Райна в Университете Дьюка в штате Северная Каролина, получил некий результат. Нет, он – конечно, знал про доктора Карла Зенера, который разработал систему карточек с пятью разными символами для анализа телепатических способностей. В сущности, о них знали все, кто занимался этой темой. Но Даня Хомич, молодой учёный, неожиданно для себя, получил удивительный результат в эксперименте... Да, да! И с кем? А вот с людьми, страдающими синдромом Дауна. Как это бывает, когда человек заиклен на какой-то мысли, она сопровождает его повсюду – дома, в театре, в столовой. Вот! В столовой это и произошло.

Однажды, обедая в городской «тошниловке», молодой Даник машинально жевал жёсткий бифштекс и думал о своей работе и недавнем эксперименте с собакой, которая, по его мнению,

угадывала мысли хозяина. Собака приносила тапки – без команды, подавала газету, но всё это могло быть и результатом выработанного за годы совместной жизни с хозяином рефлекторного поведения. Жую невкусную еду, он захотел её посолить. Даня искал глазами солонку и нигде не находил. В это время по залу ходил парень, работающий судомойкой и уборщиком грязной посуды. Во времена Советов людей с синдромом Дауна, устраивали на работу, не связанную с материальной ответственностью, или с повышенным риском. Парень всем мило улыбался, пуская иногда слюни и глядя немигающими круглыми глазами. «Соль бы лучше принёс», – подумал Даня. Парень, кличка которого была – Серёга-Приятного-Аппетита, молча пошёл на кухню и принёс соль. Он поставил её именно на столе, перед Даней. Другой бы только удивился. А может быть, и не заметил странного совпадения, но постоянно работающий мозг аспиранта зацепился за этот факт. На следующий день история с солью повторилась. Результат замечательный. Стоило пристально посмотреть на Серёгу-Приятного-Аппетита и подумать о соли, как он её тотчас же приносил. Дальше эксперимент усложнился. Попеременно Даня требовал, мысленно, то перец, то ложку, то салфетку. И – о чудо! – приносил! Аспирант Хомич всё тщательно записывал, систематизировал и делал выводы. Через месяц ежедневных опытов, с перерывом на выходные дни работника с синдромом Дауна Серёги, у Даниила собрался неплохой объём материала. И с ним он пошёл к своему руководителю. Руководитель сидел на своём месте долгие годы и занимался тем, что разгадывал кроссворды, а после работы предавался любимому наслаждению – пил. Реакция его была предсказуема. «Знаешь, Даня, занимайся-ка ты своей темой, а с ерундой... Вон – сходи на Лубянку. Там такое любят», – сказано было явно с шуткой, или даже с издёвкой, но воспалённый мозг учёного воспринял это почти командой. И он пошёл. И, что вы думаете – его послали? Нет. Прикрепили к «человеку», и попросили докладывать о результатах, намекнув, что этой темой занимается целый отдел, но чтобы туда попасть, нужно много всяких барьеров преодолеть. А таких «желающих, на халяву прибиться к конторе, за деньги, спецаёк, спецмедобслуживание и прочие блага – хватает!» Время шло. Эксперименты усложнялись, пока Серёга не пропал. Олимпиада! Блин. Всех людей, «не соответствующих образу советского человека», убрали. Пьяниц и дебоширов – за сто первый километр, инвалидов – в больницы и профилактории, нищих – пинками из подземных переходов. И видимо, Серёга-Приятного-Аппетита попал под категорию душевнобольных. Ну, такая была политика! Пропал милый мальчик, а вместе с ним застопорились Данины эксперименты. Конечно, людей с таким отклонением от нормы, достаточно много. Вот только их, как правило, либо опекают родные, которые не позволяют экспериментировать над ними, либо содержат в специнтернатах. Туда вход заказан. Это на загнивающем Западе их считают абсолютно нормальными, но имеющими некоторые особенности поведения и развития. У нас же, как во всём.

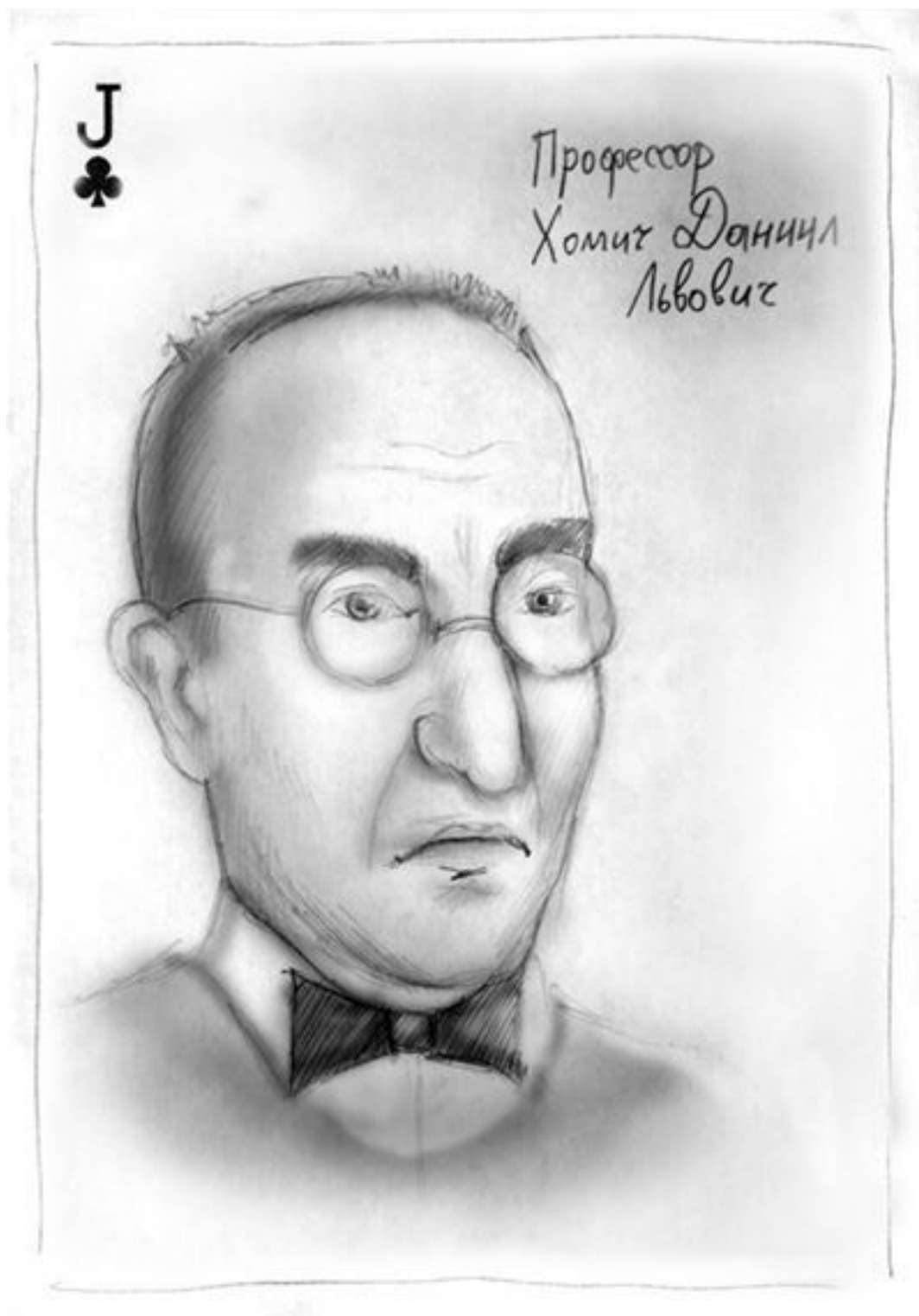
Сотрудники КГБ только в кино и книгах бережно относятся к талантам, на них работающим. Не получилось у еврейчика – и ладно. Они не хотели пускать «чужака» на свою «сочную поляну». Своих теоретиков хватает. Сотрудники КГБ прежде всего люди, и на уме у них отнюдь не эфемерная безопасность Родины, а вполне реальные вещи. Премии. Квартиры. Должности. И какой-то там придурок со своими даунами их не интересовал. Даня помыкался, да и забросил работу. Потом началась перестройка с гласностью. Потом развал всего, что и так держалось непонятно на чём, и работа легла в стол, как сотни других, гораздо более интересных и перспективных, и не только с точки зрения их авторов. Даниил Львович защитился по другой, более прозаической теме. Крепко засел в НИИ. Стал доктором. Преподавал в институте, но своё детище холил и лелеял в свободные минуты, предаваясь работе, втайне от всех, как порядочный семьянин, втихаря посещающий любовницу. Проект молодости, благодаря его непризнанной необходимости и какой-то мистичности, будоражил его, заставляя возвращаться к нему снова и снова. И вот, не так давно, ему представился случай рассказать о своём проекте человеку по фамилии Кривых. Их познакомили на научной конференции по проблеме модернизации и внедрения в отечественное производство инноваций. Кривых распинался в красно-

речивых призывах не бояться нового подхода к науке, бороться со стереотипами и штампами, идти в новое, необъяснимое... Хотя сам никакого отношения ни к науке, ни к инновациям с модернизацией никогда не имел. Но говорить мог красиво и убедительно, горя глазами и делая упор на развитие – «... Отечественных технологий и импортозамещения!» Начальникам нравился пыл господина Кривых и его считали специалистом в этой области. Хотя у него был мясомолочный техникум... не законченный. Диплом о высшем – купил. Боялся каждый раз, предьявляя его при устройстве на работу. Пока – проходило. Горячего борца за идею возрождения отечественного производства и новых технологий продвигали по службе, и очень скоро он уже и сам считал себя крупным спецом, лихо оперируя терминами и выражениями, вызывая уважение у ответственных лиц, его продвигающих.

Даниил Львович предложил ему к рассмотрению свою выстраданную тему. Тот взял и обещал помочь. Надо заметить, что и сам Даниил Львович неплохо освоился в условиях рыночных, простите – базарных отношений, которые установили в стране чиновники. Рынком в России и не пахло. Лавки, лавочки и мелкие предприятия барахтаясь из последних сил, выживали не «благодаря», а «вопреки» всему, что происходило в стране. Крупный бизнес принадлежал клану «власть предержащих». Остальной деловой фон в стране поддерживался закачиванием в государственные корпорации миллиардов от продажи нефти и газа, а потом успешно растаскивался по норам. Правда, норы эти находились в очень хороших уголках нашей планеты. На Лазурном берегу, на побережье Женевского озера, в испанских курортах, в альпийских деревушках, в швейцарских банках. Профессор Хомич не сильно вдавался в тонкости экономического строительства державы, но условия уяснил чётко. Будучи человеком насколько увлекающимся, настолько и жадным, он включился в схему зарабатывания денег, урывая от бюджетного пирога. Схема была очень проста и накатана. Главное, найти нужного человека, представляющего заказчика. Поскольку в России основной заказчик на научные новинки есть само государство, то и денежки неплохие из бюджетика страны на это выделялись. Причём заказчик, а точнее его представитель, не был заинтересован в результатах исследований или изобретений. Во главу угла ставилась возможность выбить под проект деньги и «распилить» их. Причём, до девяноста процентов – составлял откат чиновнику, «протолкнувшему» заказ. Придумывалась тема с «красивым» названием и под неё, пройдя отбор и отсев, тендер или аукцион, получались «хрусты», и немалые. Отсутствием воображения и умением красиво озглавить проект Даниил Львович не страдал. Темы сыпались одна за другой. Исполнители подбирались из числа проверенных и не сильно орущих молодых «учёных». Это чтобы фамилия Хомич часто не фигурировала в проектах. Одним из последних «изобретений» был прибор ночного видения, работающий в полной темноте и, якобы, в цветном изображении отслеживающий предметы. Непонятно, куда смотрели все? Приборов ночного видения в мире, да и в стране, пруд пруди. Эта тема старая и достаточно хорошо изученная. Но как-то «куратор» – представитель заказчика смог убедить (естественно, за долю) высокую комиссию пустить в разработку этот изобретённый «велосипед». Заказчиком стало Министерство по Чрезвычайным Ситуациям. Деньги выделены огромные, и Даниил Львович не удержался. Он просто кинул своего компаньона, подставив его. Однако это история другая и длинная, но факт остаётся фактом – тихий и скромный профессор, голубой воришка, с преданными часто мигающими глазками, освоил специальность «кидалы». И очень этому был рад. Всё было хорошо, пока не назначили на место его бывшего «толкача» проектов вышеназванного господина Кривых. Новым начальником Пётр Миронович стал в одночасье. Выскочил на поляну, как стрела из лука. И не сложилось у них с профессором Хомич деловая пара под модным названием «тандем». Хомич сам метил в это кресло. А тут вдруг чужой... Да ещё неуч. Не притёрлись. Хомич ушёл из дела.

Потом у них был неприятный инцидент с экспериментом по влиянию ЭМИ на электронные системы. Короче, звонок Петра Мироновича Кривых стал неожиданностью, но и дал

надежды. А вдруг? Необходимо срочно поднять все материалы и записи. Систематизировать. Составить презентационный план, для показа высокому начальству. Чем хороша была тема телепатии – невозможностью материального подтверждения эксперимента на сто процентов. И у профессора, постаревшего, заматеревшего и отягощённого жаждой наживы, новые перспективы вызвали, скорее, не юношеский бескорыстный порыв к открытиям, а практический план заработать хорошие дивиденды. Простите – деньги. Которые теперь были, ой, как кстати.

Глава 10

Любовь зла...

Поправляя очки и краснее большими светящимися на солнце ушами, Рома Зюлькинд шёл домой, глупо улыбаясь и строя планы на будущее. Его душа пела на все голоса, и внутри играл оркестр, выдувая гимн любви и новым ощущениям. Он влюбился! Люба! Любаша! Любовь! Такую женщину Рома не то что не имел никогда, а даже боялся себе представить в своих фантазиях. Когда, несколько лет назад, его друг детства вернулся из армии, Рома слушал его рассказы о приключениях в солдатской хлебрезке с учащённым дыханием, но неверием в реальность. Он не мог поверить, что такое возможно. По ночам, вспоминая рассказы друга, о полнозодой работнице продовольственного склада, Рома долго трясся под одеялом, натирая плоть до кровоподтёков и представляя всё услышанное в красках и лицах. Причём на месте друга, в описанных им сценах, всегда оказывался он – Рома. Позже у него был один неудачный опыт с медсестрой, окончившийся провалом. Всё сразу пошло неплохо, но как-то не так, как представлялось. Кроме гадливого воспоминания остались пятна на брюках и желание всё побыстрее забыть. И с той медсестрой он старался больше не общаться.

А вот то, что произошло сегодня! Он ликовал, твёрдо уверовав в необходимость жениться на этой волшебной девушке. Хотя девушка давно перекатила тот рубеж, когда о возрасте говорят – что-то около тридцати, в глазах Зюлькинда она была идеально красивой и вообще без возраста. Нет возраста у богинь! Он решил поговорить с домашними и был убеждён, что все одобряют его выбор.

Домашние выбор не одобрили. Мать грустно покачала головой, выслушав Ромин азартный спич о его желании во что бы то ни стало жениться и, вздохнув уныло и долго, сказала: «Весь в папу. Тот тоже – каждый раз женился». Сёстры, присутствовавшие во время излияний брата с подачи разгорячённой раненой любовью души, сначала хихикали, а позже уразумев, что брат не шутит, принялись наперебой костерить самозванку, претендующую на их и без того переполненную жилплощадь. Понимания в семье он не встретил. Это не охладило пыл, а лишь подзадорило его к началу действий. Первым делом он решил наладить утерянные связи с людьми, предлагавшими ему потрудиться на ниве научных исследований, с зарабатыванием «нешуточных» денег. Да-да, так ему и сказал тот человек – «нешуточных». Таким человеком был Пётр Миронович Кривых – человек надёжный, как представлялось влюблённому джентльмену Роме Зюлькинду. Конечно! Он себя ассоциировал именно с джентльменом, обязанным жениться на девушке, которая доверила ему самое дорогое – своё тело и, как представлялось – душу! С Петром Мироновичем Рома познакомился в его загородном доме, куда ездил обслуживать аквариум. Аквариум у Кривых был знатный. Огромный, с экзотическими растениями и рыбами, изготовленный из силикатного стекла. Рома любил такие системы. Где сам аквариум назывался «дисплеем», а фильтровальные узлы, оборудованные в отдельной ёмкости, но связанные с основной ёмкостью трубопроводом, называются – «сампом», который используется для размещения разнообразного оборудования химической, биологической и механической фильтрации, а также обогащения воды. В такой ёмкости также вмещается некоторый объём воды, который в сумме с объёмом самого аквариума даёт общий суммарный объём всей системы. Короче, Рома не сомневался – человек, имеющий такой аквариум – не может быть плохим. А как же? Ведь он любит всё живое! Да. Именно так он думал.

Рома тоже понравился хозяину, и прежде всего своим отношением к делу, и знанием таких тонкостей, о которых Кривых и не слышал. А он считал себя знатоком в деле аквариумного рыбоводства. Как-то, в один из визитов, Пётр Миронович завёл разговор о зарплате, семейном положении и взглядах на будущее господина Зюлькинда. Рома стесняясь, краснел, и бубнил про достаточность заработка и небольшие потребности. Кривых всё же оставил ему

свою визитку с прямым телефоном, закончив деловой фразой – «Будет нужна работа – звони». И вот – работа понадобилась. Понадобились те самые бумаги, наличие которых делает из мальчика мужчину, из обывателя делового человека, а из альфонса благодетеля. Хотя альфонсы редко меняются, но это так, к слову. В общем – понадобились деньги! И он позвонил.

Кривых долго вспоминал, кто это ему звонит, задавал навоящие вопросы. А потом вдруг выпалил: – «Ромка – аквариумщик! Как же, брат, помню-помню! Значит, понадобились все-таки юаньки? Ну, и правильно. Есть у меня проектик. Завтра жду в девять. Поговорим». Он назвал адрес. Спросил точные – фамилию, имя, отчество, попросил взять обязательно с собой паспорт и распрощался.

Утро долго не приходило в Ромино окно. Ночь тянулась томительно и нудно, отдаваясь капанием из крана, скрипением кроватей сестёр и визгом тормозов ненормальных ночных гонщиков на улице. С рассветом Зюлькин встал и стал готовиться к встрече. Он достал свой выпускной костюм и, обнаружив, что тот ужасно мал – расстроился. Дело поправила мама, тревожно наблюдавшая за ранними сборами сына. Молча, сжав тонкие губы большого рта, она вынесла отцовский костюм и подала Роману. Костюм сел как влитой. В зеркале перед Романом стоял взрослый мужчина, очень похожий на отца, и смотрел на него. «Это же – Я!» – промелькнуло в голове Романа. Мать, наклонив голову, припала на грудь сына, постояла с полминутки и, махнув рукой, вышла на кухню, причитая про – «Копию своего папашки» и про то, что он, Рома – «Такой же дурачок сознательный... окрутят бабы...»

Пётр Миронович был сама любезность и предусмотрительность. Усадив гостя в кресло и, предложив прекрасного английского чая (хотя то, что в Англии растёт чай, Рому немного удивило), долго рисовал яркими красками картины предстоящего дела и перспективы их совместной работы, сдабривая сказанное меткими афоризмами и яркими аллегориями. Заложив правую руку за спину, а левой дирижируя своей собственной речью, Пётр Миронович вещал:

«В тот момент, когда судьбу человечества вершат лучшие умы мировой науки, создавая новейшие технологии будущего, наш отечественный застоявшийся корабль академической мысли сидит на мели рутинно-канцелярского хлама, не в силах конкурировать с другими странами. Нашей науке не хватает свежих решений, смелых открытий и незамысленных взглядов!» Все эти штампы господин Кривых повторял от конференции к конференции, от встречи к встрече и потому не сбивался. Речь его текла так ровно и безупречно, что Роман и мысли не мог допустить о каких-то корыстных целях этого «святого» двигателя российской науки. Закончил же Пётр Миронович без патетики: «Так вот, молодой человек, – будете работать под моим руководством, беспрекословно выполняя порученное – будет и успех, и деньги, и!...» Он задрал подбородок вверх, потряс им, показывая, какое это большое и значимое – «И». Под ёмким, протяжным – «И» – очевидно понимались те многочисленные блага, общее имя которым ещё не придумано, но все и без того догадываются, что это хорошо.

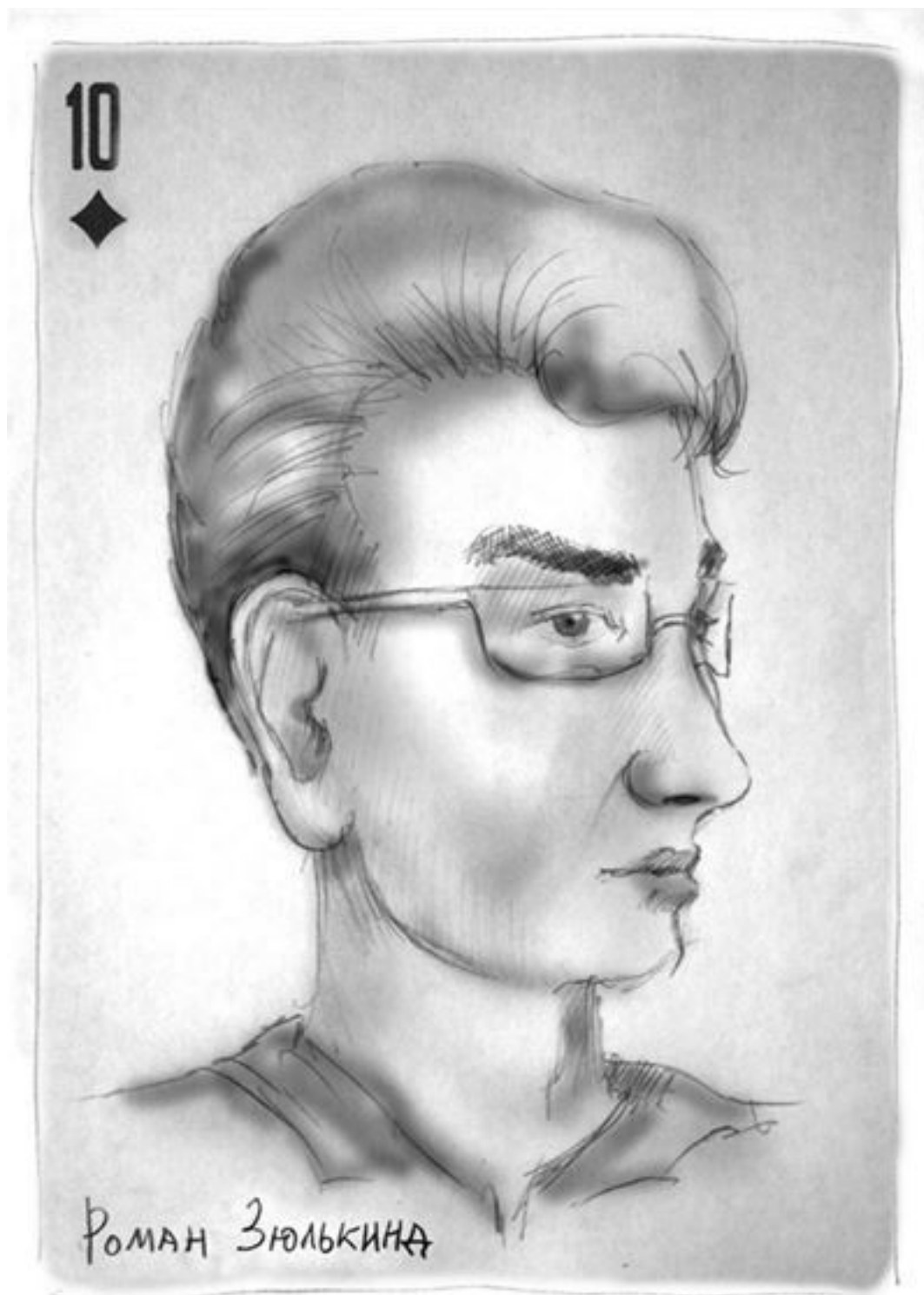
Зачем ему понадобился Рома? Всё просто. Пётр Миронович был из тех, кто считал, что команду надо подбирать и воспитывать самому. А личную преданность шефу ставил намного выше профессионального мастерства. Старые кадры завистливы и непослушны. Они интригуют и считают господина Кривых бездарной выскочкой, а посему каши с ними не сварить. Как раз он сейчас подбирал преданных, идейных, молодых исполнителей для нового доверенного ему проекта, и Рома показался ему одним из подходящих кандидатов. «Таким, – думал Кривых, – всегда можно припомнить их нищенское прозябание и кто их вытащил из дерьма. Поэтому они благодарны и исполнительны... до поры...»

– Я – согласен, – искренне ответил Рома.

– Я – не сомневался, – улыбнулся в ответ функционер от науки. – Тогда сегодня же, сейчас, вы берёте перо и бумагу, – он протянул ему листок и ручку, – и пишете заявление о приёме на работу. А завтра к девяти часам – как штык. Определяю вас в группу профессора Хомич.

Рома не обратил внимания на знакомую ему фамилию. Точнее, он знал профессора Даниила Львовича и никогда не интересовался его фамилией. В бланке наряда стоял адрес на обслуживание аквариума и фамилия Кати – Смирнова. Почему так? Рома не задумывался. Поэтому будущего своего шефа профессора Хомич он не ассоциировал с хозяином квартиры, в которую приходил регулярно и обслуживал аквариум.

Возвращаясь, домой, Рома первым делом набрал номер телефона любимой. Он горел от нетерпения сделать ей предложение. Теперь, когда на горизонте маячила доходная работа, и перспективный специалист Зюлькин может обеспечивать не только себя, но и свою семью – откладывать свадьбу было глупо. Телефон не отвечал. Люба не могла ответить, она стояла на четвереньках, на огромной круглой кровати в «Гостинице на час» и любовалась своим отражением в зеркале. Её сильное тело прогибалось, двигаясь в такт мощным движениям прильнувшего сзади огромного мужика, который запрокинув голову сопел и хрипло, шёпотом матерился, обхватывая Любины бёдра. Руки его были сильными и горячими, движения мощными, протяжными и плавными. Где-то в лабиринтах валявшейся под креслом одежды, Любин телефон играл мелодию из «Сильвы», Люба закатывала глаза, закусывала губы и не обращала на него внимания. Здоровый мужик сопел расплётным дыханием племенного быка, иногда хлопая по упругим бёдрам партнёрши руками так, что находящимся за стенкой казалось – «кому-то лепят смачные пощёчины».

Телефон надрывался... Люба только громче стонала. Мужика, однако, напрягал этот противный, хоть и мелодичный звонок. Он отвлёкся, и сладострастное облегчение откатилось куда-то далеко, не давая возможности забыть обо всём и насладиться минутой высшего блаженства. Он посмотрел тоже в зеркало. Картина ещё больше отвлекла его от сладостных реалий происходящего. Саша Полковник, а это был именно он, вспомнил рассказ своего сослуживца, про конногвардейцев...

«Рассказ про конногвардейцев»

Передаётся со слов рассказчика и с использованием его выражений.

Сей рассказ поведен давним товарищем Саши Полковника по совместной службе, во время ночного рейда, на коротком привале.

«И врать мне вам, братва, нет никакого смысла, – начал тогда свой рассказ друг Полковника и его тёзка Сашка – капитан, однополчанин.

Пиши, значит, мы всю ночь. Повод был необыкновенно порядочный. Не то, что тапки обмывали купленные. Нет. Серёга выиграл пять тыщ! И выиграл, блядь, как раз в свой день рождения. Купил в киоске лотерею «Спринт» за полтинник. «Дайте, – говорит он продавцу, – подарок ко дню рождения». Та протягивает билет. Он открывает. Даже надорвал кусочек. Медленно разворачивает и улыбается. «Вот, – говорит, – спасибо. Пять тыщ...» А «Жигули» тогда как раз почти столько стоили. Все улыбаются. Мол – пизди, пизди. И продавец – девушка молодая – тоже тянет рот до ушей.

Серёга молча показывает ей билет надорванный. Улыбка исчезает с её лица, и появляется гримаса то ли отчаяния, то ли зависти. Ну, мы все давай его поздравлять. Намёки дешёвые кидать, насчёт обмыть там и прочее. Серёга лыбится и, немного бледнея, спрашивает у продавца: «А деньги когда получать?» Та мямлит, что-то себе под нос, объясняя про экспертизу, проверку и прочую ерунду. Короче, деньги он получил только через месяц. А в тот день мы забурились к нему в холостяцкую коммуналку, обмывать выигрыш.

Сколько ни бери водки, а бежать всё равно ещё раз придётся. Так и получилось. Выпили по одной колдунье на брата – мало. Комбат крякнув, пробасил, сюсюкая на шипящих звуках. У него всегда по пьянке пропадали шипящие: «Со-то я не напился, Сергей Александрович. Надо стобы кто-то исё принёс. На стремленную». Пошёл я. Рядом была стоянка такси. Взял пузырь за чирик. Иду обратно. Навстречу женщина. Темно на улице. Не видно, старая или молодая. Да после пятисот водки – разница небольшая. Слово за слово. Она не боится – человек в форме, лейтенант. Короче, кончилось знакомство у неё дома, в кровати. Женщина очень приличная. Выпившая шла, по причине отчисления какой-то диссертации, какого-то коллеги по работе – выдающегося зоолога. Ну, я, значит, слушаю про диссертацию – что-то там у каких-то обезьян, то ли в башке, то ли в жопе, а сам пристраиваюсь потихоньку. Она ничего... Позволяет. Вдруг, как обухом по башке: «А где муж, думаю?» Ну, соответственно, задаю ей этот вопрос. Не придёт ли любимый твой невовремя? Она говорит, что нет, не придёт. Умер, говорит, и на стену показывает. А на стене портрет какого-то кавалериста, с шашкой и в папахе. Я начинаю соображать, мол, много лет-то барышне, раз фотка такая старая, и муж на ней в форме довоенной ещё. Она интеллигентная – намёк моих сомнений раскусила. И говорит: «Не волнуйся. Он меня на тридцать лет старше был». Я продолжил. Поставил её на четыре точки. Только это, значит, принял позу по-гусарски – сзади, вижу на меня пялится кто-то. Вот же блядь, а! Присмотрелся – зеркало. Вид классный. Скачу, словно конармеец на кобыле, только шашки с папахой не хватает. Моя фуражка рядом, на стуле лежит. Я, не переставая «скакать», дотянулся до фуражки, надел её – и поскакал дальше. А сам в зеркало посматриваю. Ну, сука – точно конармеец на лошади едет! Только жопа голая мелькает, да лошадь ржёт по-человечьи – охает и ахает! Приложил руку к козырьку, словно честь на параде отдаю, а она в этот момент, возьми да и обернись. Все её вздохи, всхлипы и ржание давно одинокой, голодной вдовы оборвались, и она, то ли с горечью, то ли со смехом спросила: «Ты, что – дурак?» Я сбросил фуражку, ойкнул, и поскакал во весь опор дальше, отрабатывая свой конфуз. Ничего – получилось всё... у обоих».

...Вспомнив этот рассказ, Полковник не мог удержаться. Ему стало до того смешно, что он остановился в своих изысканных движениях и залился смехом, переходящим в слёзы. Ну, очень ему стало смешно. Да ещё этот телефон... «Ну, бля... сейчас посмотрю, кто звонит – найду – убью!» Быстро спрыгнув с кровати и вызвав тем недоумение и стон возмущения Любы, Полковник стал шарить по полу, ища чёртов телефон...

А звонил Роман Зюлькинд. Не дождавшись ответа, он опустил трубку в карман, развёл руками и сел в подъехавший автобус. По крайней мере, у него теперь есть работа и он сможет предложить этой замечательной девушке стать его женой. Он представлял, как будет приходить домой, как его будет встречать любимая жена, как они будут ужинать вместе. Как потом... Его мысли прервал сигнал из кармана.

– Слушаю, – Роман даже не глянул на номер.

В трубке молчали.

– Слушаю... Люба, это ты... вы?

– Нет, это не Люба. Это её папа. Ты что же, сучонок, совратил девушку – и в кусты, – Саша Полковник явно издевался, но Рома не понял этого. Он всерьёз разволновался. Речь его стала сначала, спутано-плаксивой, с обещаниями обязательно предложить руку и сердце. Потом, истерично-вызывающей – «я попросил бы... в таком тоне» и прочее. Потом он перешёл на сдержанно-деловой фальцет, стараясь произвести впечатление самостоятельного, «серьёзного мужика». Но закончил сконфуженно сбивчиво, с извинениями и обещаниями. И... что он «вообще хотел просить отца благословить их отношения».

– Ну, брат ты мой, – продолжал игру Полковник, – такие вещи впопыхах не делают. Знаешь, какие парни к ней баки подбивают?

– ...

– То-то! Дело обстоятельно делать надо. Обстоятельно.

– Да. Понимаю.

– Сможешь ли ты обеспечить семью? Семья это! Это о-го-го! – Саша, напрягся, подбирая слова, касающиеся важности семейных отношений, но кроме: «Муж и жена – одна сатана», в голову Полковнику ничего не лезло.

Роман начал рассказывать про денежную работу, которую только что получил. Про научные разработки, сулящие немалые доходы. Он, по мере продвижения рассказа, возвышался в своих собственных глазах, а посему закончил: «Знаете что, папаша! Я бы на вашем месте был рад, что такой жених хочет взять в жёны вашу дочь! Да я, с самим... господином Кривых в проекте! А он! А его! Да, что вам объяснять. Это не человек – глыба! А вы мне про обеспечение».

Сашу словно шарахнуло по башке пыльным мешком: «Ну, ни хрена себе случайности. Хотел приколоть Любкиного мальчишку, а попал на знакомого Кривых. Или гундит, падла?» В трубку же он сказал:

– Хорошо, молодой человек. Ваши аргументы сейчас неуместны. Мы посоветуемся на семейном совете... С Любой посове... ту... емся, – он прикрывал трубку рукой и отбивался от начавшей понимать суть разговора Любы, которая пыталась вырвать трубку и расцарапать Полковнику всю его наглуую, небритую рожу. – До свиданья, молодой человек. Я по... з... воню... – продолжал отбиваться Саша Полковник. Окончив разговор, он посмотрел с укоризной на свою партнёршу по недавнему сексу.

– Ну, ты чего, дурочка, что ли? – очень мягко и тихо спросил Полковник девушку, которая перестала на него нападать, а села на край кровати и принялась молча одеваться.

– Сам дурак. Тебе чего от меня надо?

– Не понял, – Полковник смотрел на Любу с истинным удивлением.

– Тебе чего от меня надо? – Люба сидела в одном чулке, с растрёпанной причёской и размазанной тушью над правым глазом.

– Да я думал, нам обоим это надо.

– Ну и вали.

– Да, пожалуйста, – мужчина встал, пожал плечами и пошёл в душ.

Люба, продолжая одеваться, материла Полковника вполголоса и прерывала свои проклятия в его адрес громкими обидными словами, выкрикивая:

– Ты посмотри на него! Он ещё будет моих мужиков воспитывать! Папашка выискался! Срань болотная! Бугай неотёсанный! Козёл старый!

Саша уже вышел из душа и, вытираясь большим белым полотенцем, смотрел на ругающуюся девушку. Он кивал в такт её бурным и ярким эпитетам и хмурил незлобно брови:

– Ну-ну, – это вот про старого козла – по-моему, лишнее.

– А какого...

– Зелёного.

– Что?

– Ты спросила – какого? Я ответил – зелёного.

– Ты что же лезешь в мою личную жизнь? Трахаешь и будь доволен, а в мою личную...

– А ты – не довольна?

– Знаешь! Не путай – потрахаться – с этим.

– С чем? Влюбилась?

– Я? Ты чё, того? А если честно – не знаю, – опустив плечи, устало сказала Люба и глубоко, по-детски вздохнула. Она посмотрела на свои красивые, ухоженные руки, зачем-то легонько плюнула на ноготь и «полирнула» его о простынь. Потом, как ни в чём не бывало, потянулась и через зевок сказала:

– А он лучше вас всех, как оказалось. И дело не только в этом... – она кивком указала Полковнику пониже пояса. Саша невольно прикрыл свой могучий орган рукой и, отбросив полотенце, стал натягивать одежду.

На влажное тело брюки натягивались плохо. Полковник балансировал на одной ноге и, кряхтя, бормотал про странность женской логики. Но, вдруг, его словно посетила какая-то гениальная идея. Он застыл в одной штанине, держа брюки правой рукой и подняв указательный палец левой руки вверх, выдал:

– Любаша! Эврика! У меня к тебе дело!

Глава 11

Тайна. Тайна?

(Из доклада тайного агента)

«Вас интересует СС? Ну, то есть Сергей Сергеевич... Понимаю... Сергей Сергеевич Иванов, по своему разумению сидит настолько высоко, что ему нет необходимости кому-то что-то доказывать. Его мысли заняты судьбами народов, а не отдельных людишек, и поэтому такие мелочи, как жалость, сострадание, порядочность или сочувствие, ему непонятны, хоть и знакомы. Знакомы где-то далеко, за гранью взрослых лет. В глубоком детстве. Он был простым мальчиком, и страдал и мучился, когда видел несправедливость. Например, когда его любимых героев молодоговардейцев пытали или убивали на экране кино. Он переживал за соседскую кошку, за маму друга, которую избивал пьяный отец. Он очень близко принимал к сердцу страдания угнетённых народов Африки. И, будучи школьником, гордо держал на линейке, посвященной первомайским праздникам, плакат с надписью: «Руки прочь от Вьетнама!». Его до глубины души волновала судьба Анжелы Дэвис, хотя он не совсем понимал – где она и почему ей нужна свобода? Слово «Свобода», в его понимании, вообще, ничего не значило. Свобода может быть у птиц, выпущенных из клетки. У тигра, которого отвезли в заповедник и пустили в лес, но это слово как-то не вяжется с людьми. Он сам считает, что полностью свободен. И всегда очень горд, за страну, в которой жил, живёт и собирается, наверное, долго ещё прожить, несмотря на резкие повороты в курсе и направлении развития государства. Да! И это серьёзно. Горд, как миллионы сверстников из шестидесятых. Они, не все, конечно, всерьёз радовались, что не родились где-то в Африке, или не дай бог, в США! Это было так давно. Сейчас, Сергей Сергеевич, пройдя путь от школьника Серёжи Лившица до Сергея Сергеевича Иванова, от бедного студента, до руководителя самого секретного и важного ведомства страны, ничем не гордится, никому не верит и руководствуется одним простым принципом – «Хорошо то, что не ведёт к потрясениям!» А средства? Средства – любые, невзирая на попутные издержки в виде жертв региональной войны, взрывов домов, разорения предприятий, переселения народов и... другие мелочи. «Прагматизм – далеко не цинизм!» – Он любит это выражение. Считает себя прагматичным и верит в разум, а не в эмоции. Долгие годы он шёл по лестнице карьеры твёрдо, но медленно. Это и помогло ему не запятнаться во времена пятилеток, гласности, перестроек, ускорений и ГКЧП. Однако должности в России во все времена либо покупались, либо дарились с барского плеча, за личную собачью преданность, (другого не дано), и ему пришлось выбирать. Платить он не хотел, по идейным соображениям, поэтому Иванову была ближе вторая возможность выдвинуться. Он предан беззаветно. Кому? А тому, кто у кормила. Его принцип – власть от бога, срабатывал во времена любых правителей. И во времена атеистов и во времена перекрестившихся атеистов. Сначала клеймил позором диссидентов, потом хулил не перестроившихся. Затем – осуждал ГКЧпистов и поддерживал шоковую терапию. Позже рьяно её клеймил позором. Сейчас исполняет волю лидера. Она для него и закон, и конституция. Должности все получал, как цепной пёс кость и место охраны. Такой у нас аппарат. Такой у них, извините, менталитет. Бывали в нашей истории, конечно, исключения в кадровой политике, когда назначали на должность временщика – «стрелочника», который, став на пост, должен был принять непопулярное решение, диктуемое сверху. Это решение публично осуждалось. Подставного «стрелочника» снимали с должности и... щедро одаривали привилегиями и новыми назначениями. Либо – послом, либо – к кормушке бюджета. Но это уже после публичной порки. Всё внешне выглядело грозно. На самом деле подставной «стрелочник» выполнял план реализации задуманного преступного сговора верхушки власти, кладя на алтарь отечества свою репутацию, но приобретая статус неприкасаемого. Так было в девяносто восьмом с

премьер-министром, который объявил «дефолт». Так было и в 2008, когда была объявлена, по сути, война Грузии, которую начал действующий на тот момент главковерх, но все понимали, что само решение принял его кукловод, сидящий в тени власти, и сам же эту тень создающий. Так, хоть и коряво, было сделано при вводе войск в Крым – разрешением Совета Федерации. Так намечается сделать и сейчас. Есть хороший, по выражению лидера, план. И выбор на должность «стрелочника» пал на господина Иванова Сергея Сергеевича. Ему предстоит стать основным исполнителем и правой рукой лидера в коренном изменении направления развития страны. Но Вы не обольщайтесь. У Лидера есть планы и на Вас...

Встреча с лидером назначена на следующей неделе. Она пройдёт с глазу на глаз. Добыть запись беседы считаю невозможным. Искренне Ваш...»

Подпись агент не ставил. Он, а может быть она, работал на ЦРУ давно, ещё с советских времён. Доклады делал обзорные без конкретики и точных цифр. Свои донесения обличал в форму свободного повествования не без художественных приёмов, что делало его донесения не совсем шпионскими докладами, а так – размышлениями на бумаге. Его западные вербовщики допускали подобную форму донесений, исходя из принципа – лучше «что-то», чем «ничего». У них тоже отчётность перед руководством за потраченные средства налогоплательщиков. Несмотря на странный стиль послания, больше походивший на повествование ни о чём конкретном, ЦРУ выживало из потока общих фраз и размышлений нужную информацию. Работал агент и на другие разведки. И везде получал деньги. Передавая данные – не испытывал стыда. Его не терзала совесть, не мучали ночные кошмары. Он работал. Работа ничем не хуже других. Раз есть такая работа – должен же её кто-то делать? А сведения? Так – пустяки. Но мы, не знаем так ли всё просто. Один ли он. Не игра ли это. Ничего конкретного. Вёл ли он двойную игру, или нет? Не ведомо. Пока.

Характеристики на работников и свои личные наблюдения, как в данном случае с Ивановым, он писал, иногда – делая частные выводы. Не возбранялось. И никаких там тебе секретных планов. Схем мобилизационного развёртывания. Или карт с размещением ракетных шахт.

Для чего «там» – за океаном, нужен был доклад о Сергее Сергеевиче? А им нужно всё, что касается руководства спецподразделений, обороны, ядерных и космических изысканий. Всё. А Сергей Сергеевич был назначен на секретный проект, под будоражащим воображение названием – «Абориген». По крупницам выжывая информацию, ЦРУшники строили более менее стройную картину ситуации в огромной северной стране. Стране – представлявшей собой никому не понятную, не предсказуемую махину, готовой в любой момент развернуться на сто восемьдесят градусов и натворить бед, цепляя своей кормой, бортами, носом все близлежащие карлики-страны, как ржавый лайнер в порту, сорвавшийся с якорных цепей.

По докладам различных, более менее мыслящих источников, ситуация в стране была близка к очередному развороту. Страна прожирала больше, чем производила. Всё, что ещё работало и приносило в бюджет – плотно было облеплено чиновниками и погонами всех мастей, доивших, стригущих, берущих и страждущих. Во внешней политике – не лучше. Со всеми вокруг разругались. Технологий своих не создали, чужие оказались недоступны, из-за агрессивной позиции в мире и благодаря «мудрой» политике партии власти и её лидера, выход из ситуации представлялся очень уж неблагоприятным для всех. Это либо опять занавес и полная изоляция, с военным противостоянием, либо, что гораздо хуже – война. Иначе – распад на лоскуты федеральных самообразований, и возможно – гражданское противостояние.

А тем временем Сергей Сергеевич прибыл на беседу к лидеру ровно в два часа ночи по Москве. Лидер любил сидеть почти до утра. Его ночной режим работы выбивал из колеи весь аппарат, вынужденно находящийся на рабочих местах до тех пор, пока горел свет в кабинете кормчего. Утром не выспавшиеся, усталые и злые – все возвращались в кабинеты, а лидер мог спать до обеда и подъехать когда угодно. Его улыбка наводила ужас на подчинённых и ставила в тупик оппонентов, которых становилось всё меньше и меньше.

Сергей Сергеевич уверенной походкой подошёл к дубовой, двустворчатой двери кабинета номер один. Дверь открылась, как по приказу невидимого волшебника.

Лидер был сама учтивость. Он встретил Иванова со стаканом чая в руке. Стакан, в белом металлическом подстаканнике, комнатные тапочки на ногах лидера, тёплая кофта на плечах, работающий в углу кабинета телевизор и лежавшая на коврикe сука лабрадора чёрного окраса – дополняли картину умиротворённости и покоя своей трогательной простотой.

– Добрый вечер, дорогой Сергей Сергеевич! – лидер вышел навстречу Иванову, расплываясь в пугающей ухмылке. – Не разбудил я вас, часом? – И не дождавшись ответа, продолжил: —Тут вот такая ситуация. Да вы присаживайтесь, – он указал кивком на стул, а сам сел напротив. Их разделял небольшой, но массивный столик, придвинутый к огромному кабинетному столу сбоку.

– На заседании совбеза многие наши коллеги высказались за смягчение риторики в диалоге с Западом. Вы как лично к такому повороту событий? – лидер смотрел пристально на Иванова, прищурив глаз не то от горячего пара из стакана, не то из-за желания лучше вникнуть в ответ подчинённого. А скорее – проверить собеседника «на вшивость». Как выдержит его прищур? Как отреагирует? Лидер любил экспериментировать с собеседниками, употребляя изобретённые лично им различного рода ужимки, усмешки, или просто резкие движения, вызывавшие у подчинённых страх. А порой и ступор.

Сергей Сергеевич не отреагировал. Он довольно спокойно и по-деловому заговорил так, словно перед ним сидел не сам «он», а товарищ по общему делу.

– Я, как и многие коллеги, очень внимательно слежу за вашими, господин лидер, высказываниями, вашими указами. Распоряжениями и просто советами, – Сергей Сергеевич был спокоен и даже твёрд. Это явно импонировало лидеру. Он улыбнулся ещё шире и очень буднично сказал:

– Вы пейте чай. Чай замечательный. Наш. Краснодарский. Ведь умеем всё? Не так ли? Зачем нам чужое? Что-то в его поведении было ужасно знакомо... Где-то это уже видел Иванов... Или читал. Спокойный тон, искусственно приглушённые интонации в голосе, лёгкое подобие улыбки. Кому он подражает? Не то Штирлицу, не то Сталину...

Сергей Сергеевич ответил по-деловому чётко:

– Уверен, что коллеги необдуманно и скороспело внесли данные предложения, – слова про отечественный чай стали тем сигналом, который уловил тонкий номенклатурный нос чиновника. Он понял, чего ждёт от него шеф. Понял и произнёс это: —Никаких уступок. Никаких послаблений. Поддаться – значит показать свою слабость. Считаю необходимым ещё больше сплотить нацию, для чего необходимо, в первую очередь – «А», – он стал загибать пальцы, – усилить пропаганду разоблачения коварных планов Запада. Все эти совместные НКО и прочую шелуху запретить...

– Как? – Лидер улыбался.

– Народ у нас умный, хоть и дурак... Законодательно назвать их, ну, скажем, иностранными филиалами... Или нет, лучше иностранными агентами. Да. Агент слово многозначное. Агент может быть страховым, а может быть и вражеским. Но в ассоциации простого человека раз агент – значит враг.

– Зря вы так о народе... Хотя зерно есть...

– «Б» – заткнуть рты местным, так называемым, либералам. Это просто. Всех более менее популярных телеведущих перетянуть – кого деньгами, кого угрозами, а кого шантажом. Уж простите – тут не до сантиментов. И они подпоют и запляшут... Там ни одного безгрешного, как впрочем и везде... Ещё раз простите...

– Ничего, продолжайте...

– Они сожрут всех, кто осмелится мешать им говорить то, что нужно нам... И, наконец «С», – ограничить доступ к мировой сети интернета и западным средствам массовой информации.

– А с интернетом проблемы будут... Не так просто это...

– К тому времени поднимется террор по всему миру...

– Это предсказание?

– Это очевидная реальность. Поднимется, причём небывалый по масштабам. Ну, и в рамках борьбы с ним – инициировать законы, ограничивающие возможность террористическим организациям использовать мировую сеть. Наши спецы работают над предложениями. Найдётся какой-нибудь обиженный депутат... предложит... Дума пока своя... Это начало. Оно, как вы заметили, не касается вопросов экономики. Вопросы экономики возникнут. Проблемы будут очень большими. Прокормить такую армию силового аппарата – не шутки. Поэтому я и моя команда, безгранично, простите за нескромную откровенность, преданная вам лично, подготовили альтернативную программу работы отечественной промышленности в условиях изоляции от всего мира, – он кашлянул и, явно не без удовольствия, добавил:

– В тесном сотрудничестве с нашими немногочисленными, но преданными друзьями и Китайской Народной Республикой.

Лидер удивлённо поднял брови. Хотя удивление было явно наигранным и, естественно, неискренним. С ним никто не смел говорить так. Беседы обычно носили наставительно инструктирующий характер.

Причём лидер любил логичные построения, привязывая их к историческим событиям, и повторял, после окончания предложений: «Ну, посмотрите. Ведь это же факты. Я ничего не выдумал. Или там подтасовал. Только факты». И действительно, люди, слушавшие его, уже через несколько минут беседы, принимали декларируемую позицию говорившего как аксиому, не требующую никаких доказательств. Здесь же ситуация была другой. Говорил Иванов. И говорил смело, не заискивая и не стараясь понять – нравятся его слова собеседнику, не нравятся. Он был убеждён в своей правоте и в понимании со стороны лидера. Его смелость опиралась на первые слова лидера о хорошем отечественном чае. Месседж уловлен. Вектор определён. Но это была кажущаяся смелость и открытость. Сергей Сергеевич долго готовился к разговору. Проанализировал все последние выступления и заявления лидера, его замечания в адрес подчинённых, а главное, в адрес противников. Он говорил заученные накануне фразы, изображая иногда задумчивость, дабы преподнести заготовку как экспромт и искренний прорыв заболевшего. Но тон сохранял сдержанный.

– Да. И только так, – продолжал, спокойно глядя прямо в глаза своему всемогущему собеседнику Сергей Сергеевич: —Преданная лично вам команда единомышленников – одно из основных условий, господин лидер. Иначе – развал, хаос и бардак. Никакие эфемерные чувства долга перед отчизной, уж извините за прямоту. Никакие лозунги и призывы к возрождению сильной демократической державы, никакие порывы и воззвания к здравому смыслу и плюрализму мнений – не нужны! Мнение должен высказывать один! Вождь – сила закрытого общества. Лидер – явный, сильный, справедливый и безжалостный и его преданные псы. Причём псы цепные, охраняющие идею. Стережущие покой и возможность руководить всем этим замесом, который вам достался. Замес говняный, надо сказать. Застывший, в виде вонючего прогорклого пирога, с его верхушкой – толстого слоя воров чиновников, которые якобы контролируют лежащее под ними болото, с прослойкой сладенько-жиденького наполнителя, покрытого плесенью из избалованной либеральной интеллигенции, и огромного основания – серой и туповатой массы. Она же и есть болото, как таковое. Но болото может выдать и зловоние и трясину припугнуть, но может и помочь утопить неугодных. Нужно только протопить в нём проходы да вешек наставить. А если правильно и в нужном месте болтануть – поднимется вся жижа и потопит неугодную верхушку, заодно с прослойкой. Бунт? Да. Но он не

нужен. Точнее, нужен управляемый. Возглавляемый, спровоцированный гнев народа. И, спокойно выполняя волю этого народа, можно провести революцию, возглавив её самому. Убрать неугодных, наградить непричастных и наказать невиновных, но много болтающих, – закончил шуткой Сергей Сергеевич Иванов.

Лидер поставил чашку на стол. Забросил ногу на ногу и, явно размышляя, заговорил тихо и, как могло показаться, недоумённо:

– Я, признаться. Немного удивлён, Сергей Сергеевич, вашими смелыми и не совсем, а точнее совсем не популярными высказываниями. Если это просто сотрясение воздуха – грош им цена, – он посмотрел на карту огромной страны, висевшую на противоположной стене, и, указав на неё рукой, продолжил: —Если всколыхнуть эту махину... Дальше мы понимаем... Но если у вас есть конкретный план действий – готовьте расширенный доклад, – он поднялся. Иванов встал следом, с достоинством, не торопясь.

– Вы свободны. Ответ о докладе должен быть обдуманным. Не торопитесь говорить, что у вас всё готово. До свидания, – Лидер повернулся спиной к Иванову и, даже не пожав ему руку, вышел из кабинета.

Войдя в соседнюю комнату, лидер обратился к сидящим за столом двум мужчинам средних лет. При первых его словах они поднялись, застёгивая по-военному свои партикулярные пиджаки.

– Думаю, он может нам пригодиться. Недаром оставляли свободу действия его аппарату. Взгляд нетрадиционный, смелый, наглый, но интересный. Уточните с ним дату. Пусть готовится к докладу на узком совещании Совета безопасности.

Глава 12

А жизнь в болоте продолжалась (Из доклада тайного агента)

К сожалению, ничего конкретного пока нет. Пытаюсь встроиться в проект. Команда собрана. Руководитель – Иванов. Исполнитель – Кривых. Трое учёных, Лаптев Евгений Иванович – не из академического сообщества (странный выбор). Хомич Даниил Львович – доктор наук, но в последнее время подсевший на распили бюджета, и третий – вообще неизвестный мне Карл Сидорович Кац – отчество отлёт! Для Карла Каца – Сидорович! Наверное, он – подставной из конторы, чтобы следить за всем изнутри. Один – случайный человек – Зюлькин Роман. Секретарь и водители – бывшие сотрудники других отделов – так – мелюзга. Попытаюсь сделать отвлечённый анализ ситуации, хотя Вам это и не очень нравится. Но мне приятно. Этаким, дневник предателя. Предатель я? Да! Или нет? Нет! Борец.

Так уж в природе заведено – сверху гадят, снизу ловят. Верхняя власть, явно растерявшись, от результатов своей неуклюжести – заёрзала, задёргалась, принимая скоропалительные, необдуманные решения. А, как известно, – на скользкой дороге – не тормозят резко и не ускоряются. Только тихо и плавно, и желательно на пониженной передаче. Шараханья из стороны в сторону привело к кризису в этой и так нелепой, по своей конструкции экономике, где чиновники делают бизнес, а остальные смотрят, не допущенные ни к чему. Самостоятельных бизнесменов сожрали налоги и проверки. Новых предпринимателей нет – дураки работать «за так» перевелись. Госкорпорации проели бюджет, составленный из доходов от продажи нефти, газа и металла, а мелкие ручные структуры, организованные аппаратчиками – отмывают сворованные средства и отправляют к вам. Так вот, господа капиталисты. (Шутка.) Капитализм по-русски! Однако доходы от продажи сырья и металлов стали уменьшаться благодаря сговору вас – запада с саудитами, а также новым менее энергозатратным технологиям и алчности российских функционеров. А расходная часть бюджета разрастается, как снежный ком. Все рублёвые средства, выделяемые Центробанком для развития банковской системы и производства, тупо вкладываются в бумажки – доллары, или евро. А нахлебников – уйма. Армия растёт – кругом же враги. Полиция растёт – внутри зреет нарыв недовольства обнищанием. Бюджетники ропщут, служащие стонут, бизнесмены уже смеются – терпение лопнуло. А пенсионерам всё равно – дай, они основной электорат. Ну и чиновники. Эти гребут... как в последний раз. Санкции Запада – вбивают кол... Надо ожидать нетрадиционных решений. Как бы не того...

На этом сообщение прерывалось. Что означало загадочное – «не того», должны были догадаться сами получатели.

А меж тем раззадоренный своими планами новоиспечённый жених – Роман Зюлькин приступил к работе у господина Кривых. Он и представить себе не мог такого. Кабинет, пусть маленький и без секретарши, но его личный, был достаточно удобным и вместительным. Тут тебе и стол с компом. Тут и высокоскоростной интернет. Тут и уголок для – чай, кофе. Гордость переполняла его. Ему хотелось честно отработать аванс доверия. И ещё – чтобы любимая девушка узнала о его достижениях. Круг обязанностей пока определён расплывчато. Пётр Миронович Кривых – непосредственный шеф Ромы, собирал свою команду два раза в день для постановки задач. Задачи пока были, в основном, организационные: распределение кабинетов, утверждение окладов, режим рабочего дня, служебные авто. Да, да. Роме полагалась маленькая «Шкода», но новая, правда – без водителя. А вот профессору Хомич Даниилу Львовичу – «Ауди» А-8. С персональным водителем. Профессор скромно пыжился, раздувал щёки и расправлял плечи, но взлететь пока не мог. Кроме Зюлькинда и профессора в отделе у Кривых собрались два представителя фундаментальной науки – Карл Сидорович Кац, малоизвестный

в научном сообществе, и друг детства руководителя проекта – Лаптев Евгений Иванович. Он же – автор идеи, прошедшей недавно практическое испытание. Также – секретарь-референт Кривых – молодая, высокая, крашеная блондинка, явно для свободного общения с Кривых. (Зюлькин, конечно, об этом не догадывался.) А для всех – ещё один секретарь «у двери» – Серафима Илларионовна Полякова. Женщина в возрасте и с истинно преданным взглядом идейного борца за нравственность. И это только вершина бюрократического айсберга огромного отдела, расширенного для проекта. Были, как полагается – завхоз, лаборанты, МНСы и прочая шелуха, включая уборщиц.

Рома сидел за столом, с огромным чувством самоуважения. Ему нравился стол. Письменные приборы на нём. Всего их было закуплено в количестве ста штук (куда столько?) специально для проекта, на сумму, превышающую затраты на изготовление прибора Лаптя, основного, так сказать, фигуранта проекта. Заняться было абсолютно нечем. С утра он просмотрел в интернете новости на рынке аквариумных новинок. Сделал кое-какие записи в личном календаре и, опершись на руку – уснул. Его разбудил звонок телефона.

– Да, – Рома схватил допотопную трубку аппарата спецсвязи. Она выскользнула из онемевших пальцев. Нервно прыгнув вслед за ней на пол, Зюлькин ответил сонным голосом:

– Да-да... Алё!

– Роман? Освоился, смотрю. Как кабинетик, не жмёт? Ничего. Поработаешь – дадим побольше, а пока слушай. Подготовь мне коротенько данные по возможности воздействия человека на аквариумных рыб.

– Чего?

– Не – «Чего», а доложишь завтра к обеду – как человек, используя свой интеллект, может силой... ну, я не знаю – мысли пусть, – воздействовать на поведение рыб. Это надо для предоставления промежуточных отчётов. Я же объяснял.

– Конечно, – вспомнил недавний разговор с Кривых Рома. – Всё сделаю, Пётр Миронович. Не переживайте. Завтра к утру...

– К утру не надо. К обеду. Ну, пока. Давай... воюй.

Зюлькин вспомнил разговор и их план с начальником. По этому плану Рома, как знаток водного мира, должен был аргументированно придумать результаты эксперимента, которого никто не делал. Это в рамках программы – «Телепат». Поначалу он удивлялся, что такую чепуху можно представлять наверх. Однако Кривых его быстро убедил, что это не важно: ерунда или нет. Важен отчёт о проделанной работе. А там, наверху, как выразился шеф – «Люди компетентные... но дел у них много. Вникать в ход процесса – наша задача». Рома сел за доклад. Он аккуратно, строчка за строчкой, соблюдая все правила, приведённые в образце, которым снабдил его Кривых, набирал дурацкий доклад. Оправдание себе Зюлькин находил в словах шефа, сказанных на первом сборе команды:

«Мы знаем истинную цель нашей работы, – говорил пафосно Пётр Миронович, – она великая. Да, да. Не улыбайтесь. Конечно, будут у нас и противники, и недоброжелатели. Все будут. Но вот когда мы выдадим на-гора результат! Посмотрим, что вокруг запоют! Так что, мальчики, любые мои указания, которые даже покажутся нелепыми – исполнять. Всё делаем для решения большой задачи. Мы обязаны довести проект и доказать, что воздействие... э... телепатическое на любого человека возможно. Что, помимо оружия массового поражения, есть и куда более грозное оружие – влияние на умы противника. Без убийств и взрывов. Без ракет и самолётов мы сможем победить любую армию, заставив её подчиняться нашей воли. За работу, други мои. Нас ждут великие дела». Так и сказал: «Великие дела». Роман поначалу думал, что это такая форма шутки. Прикалывается начальник, употребляя в своей речи такие высокопарные слова. Придаёт сказанному ироничного оттенка патетикой и гипертрофированной патриотичностью. Но чем больше он общался с Кривых, тем меньше понимал – где правда, а где прикол. А после первой зарплаты желание сомневаться в правоте дела отпало. Кругленькая

сумма упала на счёт Романа, приятно отсвечиваясь нолями в полученном СМС о поступлении денег на его личную карту. Увлёкшись работой, Роман вдруг понял, что звонит мобильник. Где-то далеко и тихо. Чёрт, он оставил его в кармане пиджака, а пиджак повесил в шкаф. Пока доставал, отвечал – звонок прекратился. Звонила она, его любимая девушка Люба. Он тотчас набрал номер:

– Алло, Любаша, это вы... ты, – не дожидаясь ответа, забарабанил Зюлькинд.

– Я. Приветик. Как делишки? – Люба растягивала фразы. Она что-то держала во рту. Похоже – леденец, который так игриво щёлкал по зубкам и ещё больше будоражил влюблённого идиота. – Какие планы? Давно не звонил.

Тембр голоса Любы так возбуждал молодого человека, что он налился краской и ощутил оживление ниже живота:

– З-занят немного. Но я... Я хотел сегодня же. Может... встретимся? – он засунул руку в карман и стал мять очнувшийся орган.

– М-м... я подумаю.

– Хочешь, я заеду за тобой. Куда?

– О, у нас авто? Прикольно. Давай в семь у театра Высоцкого...

– На Таганке?

– Да... на Марксистской... Ну, или на Таганке. Короче, в семь. Пока.

– До встречи...

На встречу Люба опоздала ровно на десять минут. Она выплыла на площадь, заставив обернуться всю мужскую половину плотного потока пассажиров в час пик. Ярко-жёлтый плащ, красные туфли на умопомрачительной шпильке, такого же цвета шарф и сумка. Перчатки тоже ярко-красные, до локтя, на голове копна красивых волос, собранных в большой, объёмный, но очень элегантный ком. Рома вышел навстречу, нелепо поправляя очки. Он пожалел, что не последовал совету своего нового шефа – сменить гардеробчик. Нелепая одежда... эти курносые туфли. Надо было, конечно, всё это выбросить и купить новое, элегантное.

Люба, не замечая разительного различия между ними, бойко обняла Рому, поцеловала в рот и, поправляя волосы, затараторила скороговоркой:

– Я, прости, опоздала. Как всегда, дура! Вышла не в ту сторону, представляешь. Хотела дорогу перейти, а там этот... с палкой. Машет этим хвостом от зебры. Свистит. Я ему – «фак». Он за мной. Народ ржёт.

Он грохнулся. Пока помогла встать, отряхнула, извинялась... Ой, а ты же говорил на машине. А какого цвета? А марка? Да ты в помаде! Это я, что ли? Дай вытру.

Хмурый народ, серой змеей, с вкраплениями молодой цветастой поросли, тянувшейся к входу в метро, смотрел в основном безразлично на влюблённую пару. Но были и пристрастные в своих взглядах. Некоторые женщины смотрели с ненавистью на яркую блондинку. Некоторые мужчины хмуро ненавидели Рому, раздевая Любу глазами и вспоминая свою нелепую вторую половину, пропахшую кухней. Настроение от этого у них не улучшалось.

– Что за народ, – Люба взяла Рому под руку, и они пошли к парковке. – Ни одной улыбки. Я что, так ужасно выгляжу?

– Ты! – Рома закивал головой в разные стороны, не в силах описать всю прелесть девушки.

– Я тоже думаю – отпад! Прежде всего, тебя надо приодеть. У тебя какая копейка есть?

– Конечно... и очень даже много. Меня в проект...

– Отлично. Это твоя тачка? – Люба указала на старенькую семёрку «Жигулей».

– Нет, вот, – смущаясь и краснея, промямлил Зюлькинд.

Новенькая «Шкода» казалась ему верхом совершенства.

– Клёвая. А какая марка? «Ауди», что ли?

– Ну, концерн «Фольксваген». А марка, вот, совместная – «Шкода», да.

– Открывай. Я сама шкода, с детства. Бабуля так называла. Клёво – шкода, в шкоде, – Люба задорно засмеялась, усаживаясь на переднее сиденье. – Давай рули в Атриум, тут рядом. Я покажу.

Через десять минут они въехали на подземную стоянку торгового центра.

– Ой, Ромка, я так скучала за тобой!

– По тебе...

– Какая разница. Бабушка говорила – «за тобой». Так прикольной. А трахни меня прямо здесь. В тачке. Пробовал?

У Ромы пересохло во рту. Он смотрел, как Люба подняла плащ, юбку и поставила ноги на торпеду служебной «Шкоды», перед собой, отодвинув предварительно сидение до упора назад.

– Й-я-а, не знаю... удобно ли... камеры, наверное, тут... – он краснел и раздувал ноздри.

– Так и чё? Увидишь себя в Ю-Тубе! – и она звонко засмеялась. – Ладно. Пойдём тебя приоденем.

Зюлькин примерял одежду, стоя в кабинке и выбирая из вороха дорогого шмотья приличные, как ему казалось, вещи. Ему нравилось всё. Люба критически оценивала очередной наряд и браковала. Когда он по её просьбе стал примерять брюки, девушка, как бы невзначай помогая ему застегнуть молнию, прильнула рукой пониже живота и стала мять его плоть. Глаза Романа расширились. Он с ужасом смотрел то на занавеску, то на руку девушки. В нём боролись – стыд и похоть. И похоть победила. Люба стащила с него брюки вместе с нижним бельём и... Это было второй раз в жизни Романа Зюлькинда. Первый раз тоже с Любой, совсем недавно. Тогда он думал: «А как же теперь она будет с ним целоваться?» Сейчас он не думал ни о чём. Он мычал от наслаждения.

Ширма раскрылась широко и резко. Пожилой мужчина, провинциального вида, в фуражке-аэродроме, в старой дублёнке, с чёрными усами и характерными чертами южного лица, выронил костюм, взятый для примерки.

– Ва! – сказал он. И в этом «Ва» было всё. И напрасно прожитые годы, и жажда вернуть назад молодость, и зависть, и страх, и удивление. Недалеко от южанина, в торговом зале, стоял неказистый мужичок, в старом пиджачке, смешных очках и плохо вычищенных ботинках. Он тоже увидел всё происходящее в примерочной кабине. Если усатый южанин застыл в позе удивлённой зависти, то второй свидетель практически затрясся. Лицо его передёрнула гримаса крайнего наслаждения. Тело дёрнулось в краткой конвульсии, и он обмяк. Подошёл к стоявшему здесь же креслу для ожидающих посетителей и, рухнув в него, прикрыл глаза.

Люба, не вставая с колен, строго посмотрела на ворвавшегося мужика и, с укоризной сказала:

– Видишь, мужа одеваю. Закрой, ара, да...

Рома чуть не упал в обморок, а мужик задвинул шторку, и, как в тумане, пошёл к выходу.

– Э, э! Мужчина! Костюмчик... я говорю, костюмчик берёте? Тогда на кассу, – довольно громко но не грубо, окликнула его продавщица.

Он молча подошёл к кассе. Рассчитался. Взял пакет с костюмом и вышел. На выходе из отдела его встречала многоголосая южная семья. Полная, но весёлая жена, с кучей разнокалиберных пакетов и таких же разнокалиберных детей.

– Ну, чито, Ашот? – спросила жена. – Увидель, что искаль?

– Увидель... – не моргая, ответил мужчина и направился к эскалатору. – Точно такое и искаль... – добавил он, но уже тихо и для себя.

Второй наблюдатель действия за шторкой пришёл в себя, огляделся по сторонам и поднялся из кресла медленно и тяжело. К нему подошёл большой человек в костюме, не оставляющем и тени сомнения, что он охранник. Взял под руку и вывел из зала. Проходя мимо кассы, охранник сунул девушке-менеджеру несколько купюр и, не дожидаясь чека и сдачи, повёл Фирельмана, а это был он, к эскалатору.

Приключение в примерочной кабинке не смогло поменять настроение боевой гром-бабы. Она была всё так же активна и весела. Роман немного смутился и покраснел, вспоминая недавнее происшествие. Они всё же приодели его и, перекусив в местной забегаловке, претендующей на японскую кухню, отправились к парковке, оттопыриваясь разноцветными пакетами. Около машины Романа стоял человек в чёрной длинной одежде, с поднятым воротником. Роман попытался обойти его, но незнакомец железной рукой остановил Зюлькинда.

– Роман? – глухо спросил он.

– Роман, – заметно волнуясь от неожиданности, промямлил Рома, не пытаясь высвободиться.

Люба стояла рядом, чуть в стороне. Её глаза злобно сузились в щель. Рот растянулся злой улыбкой. Она узнала Полковника. Тот, в свою очередь, подмигнув ей, продолжил разговор с оторопевшим Романом.

– Я – бывший муж этой дамы.

Люба вспыхнула, но промолчала. Роман попытался геройствовать:

– Бывшим... бывших... мне нет никакого дела... я... вы... – он покраснел и говорил сбивчиво, чуть запинаясь. – Вы уходите... вот, – закончив, Роман опустил глаза.

– Как? А её обязательства? Она вам не рассказывала?

Рома посмотрел на Любу. Девушка зло молчала, глядя исключительно на Сашу Полковника. Тот, улыбаясь, продолжил:

– Обязательства выплатить за квартиру, которую я ей оставил.

– Я женюсь на ней! – петушиным голосом выкрикнул Роман. – И её проблемы станут моими.

Присутствующие оценили поступок. Люба подскочила к Полковнику и, вцепившись в бетонный бицепс руки, нервно потребовала:

– Отпусти... ну... Хватит. Не сейчас!

Полковник одобрительно закивал Роману головой, не обращая внимания на Любу:

– Слушай! Ты – молодец! Мужик... Только откуда возьмёшь деньги. Квартирка маленькая, но в центре. А это минимум двести пятьдесят зелени...

– Люба, – заикался Роман, – не беспокойся... не унижайся. Я всё оплачу.

Люба, продолжая теребить руку Саши Полковника, шептала, брызгая слюной:

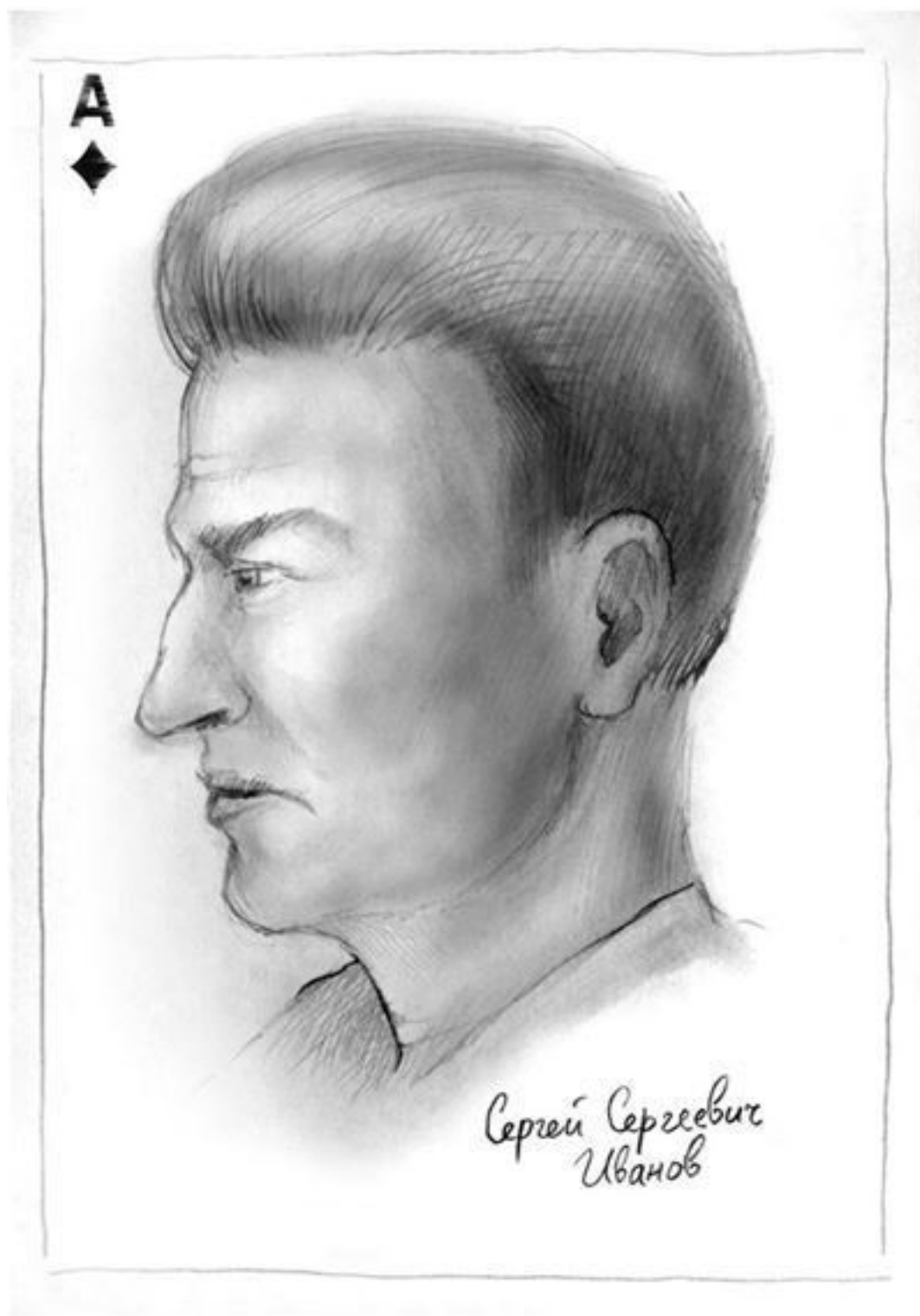
– Отпусти, скотина... Мы же договорились... подумать... а ты так сразу...

Полковник спокойно, но уверенно отстранил девушку. Отпустил Романа и, разведя руками, сказал, улыбнувшись:

– Ладно. Две недели у тебя есть, – повернувшись к Роме, одобрительно скривил рот и добавил:

– Рыцарь... хвалю. Ну, пока, бродяги. Жду... две недели.

Он ушёл в лабиринт стоянки. Чёрный человек с поднятым воротником...

Глава 13

Настоящий Полковник

Полковник последнее время спал нервно и чутко. Он просыпался от любого шороха, садился, свесив ноги, на кровати и жадно пил воду из бутылки, всегда стоявшей рядом. Его бросающаяся в глаза холодная расчётливость и непреклонная решимость в действиях и поступках давались ему не так легко, как могло показаться. У него было полно комплексов и почти фобий, мешавших ему жить. Полковник боролся с ними, но не всегда успешно. Оставаясь наедине, невидимый для других, он мог расслабиться и немного поддаться своим слабостям. Последние годы, после увольнения со службы, внесли сильные коррективы в его поведение и его настроение. В армии – было всё не так просто, как принято считать. Живи, мол, по уставу – завоеешь честь и славу. Нет. И там полно нюансов. И подлецов много. И карьеристы, все почти. И подонки встречаются... Но их видно. Им чаще говорят в глаза правду. Чаще бьют морду. В большом мужском коллективе не спрячешься за дверь своей квартирки. Не сможешь оскорбить товарища безнаказанно. Сделал – отвечай, или не делай гадости. Обучение через ответ. Ответ жёсткий, но справедливый. В армии всё проще в стадии выяснения отношений. «Что у вас, рук нет? Орёте, как бабы», – часто говорили в начале военной карьеры старшие сослуживцы. Конечно, в этом была и мальчишеская бравада и пафос, и гипертрофированная романтика героического предназначения... Но разборки в туалете были обычным повседневным фактом. Как умывание, утренняя зарядка и прочее... Хам знал – хамство просто не сойдёт с рук. И прежде чем сказать, человек думал.

А вот после увольнения... Условности гражданского быта, с его многочисленными глупыми устоями, не пошли, как говорят, Полковнику в масть. Он сдерживал себя, чтобы не сказать подлецу, что тот подлец. Терпел чванство и ханжество высокомерных начальников... В армии тоже командиры были разные. Но там всё решалось прямо и чётко. Особенно в боевой обстановке. Ещё со времени обучения в военном училище он уяснил главное правило. Делай как должно – и будь, что будет. Принцип не срабатывал после увольнения. Все вокруг делали «не как должно». Но у многих всё получалось. Он пытался делать по совести... И ему приписывали странное – «по понятиям». Ну, раз «понятия» совпадают с его жизненной позицией, значит – он по ним живёт.

С самого раннего детства Саша больше всего боялся показаться трусом в глазах других. Не сама трусость его пугала, а страх перед ней. Он боялся, что кто-то догадается, как ему бывает страшно. Он специально шёл на риск, прыгая с «тарзанки» в воду, стоял на краю карниза высотного дома, ходил по брусу под самой крышей полуразрушенного завода, лез в драку, гонял на мотоцикле – и всё, лишь для того, чтобы показать окружающим свою смелость.

Как-то, уже в армии, будучи командиром роты, он разговорился с товарищем, настоящим служакой, героем двух войн. Хотя лет ему было меньше тридцати. В армии быстро взрослеют. Вечер был длинный и запойный. Разговор мужской и честный.

– Вот скажи мне, майор, ты боишься? – спросил пьяненький Саша.

Майор посмотрел прищуренным глазом, выпил рюмку, крякнул и, покачивая головой, только развёл руками.

– Ну. Да? Или нет? – ещё раз спросил Саша.

– Ты ждёшь, что я тебе начну втирать про дураков, которые не боятся ничего?

– Не знаю...

– Ждёшь... Ищешь подтверждение общего заблуждения, что, мол, бесстрашных людей не бывает... и всё прочее... И вот, когда я это скажу... Ты обрадуешься. Потому, что сам борешься со своим страхом...

– Борюсь. А как ты понял?

Майор налил ещё по рюмке, поднял свою и задумался, явно не зная, с чего начать. Он шевелил губами, жевал ус, стряхивал крошки со стола на пол. Заговорил же – тихо, опустив глаза:

– Ещё в военном училище я заметил фигню... Ну, знаешь на курсе молодого бойца – обкатка танками?

– Знаю – ерунда... окоп крепкий. Пригнулся, нырнул под броню, а когда сверху прогрохотало – вылезай и бросай противотанковую...

– Вот. У нас парень был... Лёнька Пантелеев. Он, кстати, из-за имени и фамилии страдал. Даже в училище брать не хотели. Но взяли... Голова у него была – во! Умный, как Келдыш. Но...

– А при чём тут Келдыш?

– Не важно. Давай выпьем...

Они опрокинули. Закурили. Майор продолжил:

– Парень умный но... так боялся танков... Просто трясло. Оказывается, в детстве, в деревне – трактора испугался. Это потом узнали. Фобия. Его, бля, к армии-то подпускать нельзя... А без обкатки к присяге и не допускают. Что делать? Ротный говорит: «Кто парню поможет, тот докажет, что настоящий будущий офицер». Я – помог. Вдвоём пошли. А окопчик был не в полный профиль, а так... Нарушение, конечно. Не знаю, я бы своих бойцов не пустил. Но тут. Курсанты – белая кость. Помнишь?

Саша кивнул.

– Лежим. Прёт старенький Т-64АК. Далеко ещё... Время есть убежать. Грохочет. Дождик моросит. Траки скользят. Лёнька подвывает, зубами стучит, белый весь, но сидит, а мне ржать охота. Не могу! Они-то там думают, что Лёнька плачет, а это я ржу. Лёнька на меня смотрит, губы трясутся. Я – заливаюсь. Говорю ему в ухо: «Вспомнил, как в школе на уроке литературы, за окном грейдер работал. Трещал – училку не слышно. Вот кореш мой и говорит – пёрдну, мол, и никто не услышит. И пёрднул. Громко! Только в этот момент грейдер заглох!» Лёнька смотрит на меня и сквозь слёзы – улыбка... Прошли обкатку, как по маслу. А у Лёньки фобия прошла. Я потом стал замечать – как стрёмно всем – на меня веселье находит. Всё соображаю, действую, а страха никакого. После училища – ТУРКВО. Оттуда в Афган. Правда уже под самый конец – в восемьдесят восьмом... Уж сколько меня ругали, бля? И грозились в двадцать четыре часа, и погоны снять, и в «дурку» отправить... Не знаю, что такое «бояться», и всё тут. Думали – понты. Стали они меня испытывать. Ночью – пошёл караул проверять. Иду с разводящим и сменой, вдруг – шорох сильный за колючкой. Разводящий со сменой – упали, оружие к бою. Я чую, как зверь прямо – нет для меня опасности. Подхожу к колючке, а с той стороны дракон в фуражке... И главное, видно его... под фонарём как раз. Натуральная рожа, серая и язык раздвоенный плюётся. Разводящий даже с предохранителя не снял, так обосрался. Ну, понятно, был бы с той стороны дух, или боец какой. А то чудище. А мне хоть бы хны. Подхожу ближе – вижу. Наши придурки, бля – варана привязали. Фуражку на него... Уж и не знаю, как держится. Он шуршит, но лапы-то связаны. Я смену поднял. Крикнул шутникам, что думаю, и пошёл дальше. А этого варана, со связанными лапами, потом развязали, а он хвостом солдату ногу сломал. Ну, ему оформили документы... представление – «За БЗ» и – домой... Но это позже было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.